

Наука в Сибири

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

6 мая 2010 года

• 49-й год издания

• № 18 (2753)

• <http://www.sbras.ru/HBC/>

• Цена 6 руб.

НОВОСТИ

Кадры

Член-корреспондент РАН Сафронов Александр Федотович назначен исполняющим обязанности председателя Президиума Якутского научного центра СО РАН с 26 апреля 2010 года до избрания председателя Президиума ЯНЦ СО РАН на годичном Общем собрании Отделения в 2011 году.

Доктор химических наук Аншиц Александр Георгиевич назначен исполняющим обязанности директора Института химии и химической технологии СО РАН с 26 апреля 2010 года до избрания директора института в установленном порядке.

Доктор химических наук Кузнецов Борис Николаевич приступил к исполнению своих прежних обязанностей первого заместителя директора по научной работе ИХХТ СО РАН.

Академик Кулипанов Геннадий Николаевич, доктора физико-математических наук Иванов Александр Александрович и Левичев Евгений Борисович утверждены заместителями директора по научной работе Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН на новый срок.

Конкурс

Институт геологии и минералогии СО РАН объявляет конкурс на замещение вакантных должностей на условиях срочного трудового договора младшего научного сотрудника лаборатории метаморфизма и метасоматоза по специальности 25.00.04 «петрология, вулканология» и двух младших научных сотрудников лаборатории минералов высоких давлений и алмазных месторождений по специальности 25.00.05 «минералогия, кристаллография». Требования в соответствии с квалификационными характеристиками, утвержденными постановлением Президиума РАН № 196 от 25.03.2008 г. Конкурс будет проводиться 06.07.2010 г. Срок подачи заявок для участия в конкурсе — два месяца со дня публикации данного объявления. Заявление и необходимые документы направлять в конкурсную комиссию по адресу: 630090, г. Новосибирск-90, пр. Ак. Коптюга, 3. Справки по тел.: (8-383)-333-37-32 (отдел кадров). Объявление о конкурсе и перечень необходимых документов опубликован на сайтах РАН (www.ras.ru) и института в сети Интернет (www.igm.nsc.ru).

Подписка на «НВС»

Во всех отделениях связи страны можно подписаться на нашу газету с доставкой до вашей квартиры. Подписной индекс «НВС» 53012 в общероссийском каталоге «Пресса России». А для жителей новосибирского Академгородка дешевле подписаться непосредственно в редакции (Морской пр., 2, к. 329, 331, 336) с самостоятельным получением свежих номеров газеты на вахте Управления делами СО РАН. Здесь же можно приобрести любые предыдущие номера нашей газеты. Не забывайте вовремя оформить подписку! «Наука в Сибири» — газета для умных.

С СИНЁМ ПОБЕДЫ!

**Ветеранам войны и труда
Сотрудникам Сибирского отделения РАН**

Дорогие наши ветераны! Дорогие коллеги!

От имени Президиума Сибирского отделения РАН сердечно поздравляем вас с праздником Великой Победы!

Прошло 65 лет с того исторического дня, когда страну с быстротой молнии облетела весть: «Война закончилась! Мы победили! Враг капитулировал!» Героическими усилиями наш народ отстоял честь, достоинство и независимость своей Родины.

Время все больше высвечивает историческое значение нашей победы в Великой Отечественной войне и величие вашего подвига, дорогие ветераны. В неимоверно трудных условиях и на полях сражений, и на работе в тылу вы выстояли и победили.

Большой вклад в дело Победы внесли ученые. В годы войны Сибирского отделения еще не было, но многие его будущие сотрудники воевали на фронтах, на самых передовых линиях огня, и трудились над созданием более совершенного оружия, над обеспечением страны ресурсами. В действующую армию ушли будущие академики Д.К. Беляев, С.Т. Беляев, А.М. Будкер, О.Ф. Васильев, С.С. Кутателадзе, А.В. Ржанов, В.С. Сурков, Н.Н. Яненко. С самого начала войны начал заниматься решением проблем, относящихся к артиллерии

и военно-инженерному делу, М.А. Лаврентьев. Самым крупным его результатом в этой области стала новая гидродинамическая теория кумуляции и расшифровка действия кумулятивных снарядов. С.А. Христианович во время войны решил со своими сотрудниками задачу совершенствования реактивных снарядов знаменитых «катюш». С.Л. Соболев в годы войны, будучи первым заместителем директора Института атомной энергии И.В. Курчатова, принимал непосредственное участие в решении важных задач, имеющих оборонное значение.

С открытием А.А. Трофимуком в Башкирии мощных нефтяных месторождений на фронт бесперебойно шли нефтепродукты. Щит Н.А. Чинакала обеспечил увеличение производительности при добыче угля в Кузбассе в 3—4 раза. Самоотверженный труд этих и многих других ученых, тружеников тыла и всего советского народа обеспечил нашу Победу!

Мы гордимся героизмом, мужеством, самоотверженностью, стойкостью наших ветеранов. Низкий вам поклон и глубокая благодарность за ваш ратный и трудовой подвиг!

В этот праздник мы от всей души желаем мира, тепла, радости и доброго здоровья вам и вашим близким на долгие годы.

**Председатель СО РАН академик А.Л.Асеев
Главный ученый секретарь СО РАН
член-корреспондент РАН Н.З.Ляхов**

ВАХТА ПАМЯТИ

Салют, Победа!

С середины апреля в Доме ученых СО РАН открыта выставка репортажных фотографий обозревателя «Науки в Сибири» Игоря Глотова с празднования Дня Победы в новосибирском Академгородке в период с 2004 по 2009 годы. (Видеопрезентация выставки доступна в сети по адресу: <http://www.youtube.com/watch?v=UBkayk6m4yк>)

В Академгородке существует давняя традиция — ежегодно 9 мая в утренние часы на площади перед Домом ученых собираются тысячи жителей городка, чтобы приветствовать участников Великой Отечественной войны — героев-фронтовиков и тех, кто ковал победу в тылу. В предвещающем митинг праздничном шествии по Морскому проспекту от здания Президиума СО РАН до Дома ученых участвует не одна тысяча горожан, офицеры и курсанты Новосибирского военного института, ребята из молодежного спортивного клуба «Виктория», участники конно-спортивной школы, студенты, молодые родители со своими младенцами на руках и в колясках.

Вспоминается, как в прежние годы во главе колонны шли сотни участников боевых сражений, среди которых были академики Д.К. Беляев, С.Т. Беляев, Г.И. Будкер, Б.В. Войцеховский, О.Ф. Васильев, С.С. Кутателадзе, А.В. Ржанов, Р.И. Салганик, Н.Н. Яненко...

Время неумолимо, и сегодня самому молодому участнику войны уже за 80 лет. Среди ветеранов войны — немало женщин, статных, красивых, убежденных сединой, бывших медсестер и радисток. Всех участников войны знают наперечет и с особым вниманием ловят каждое слово ветерана, обращенное к собравшимся на торжественный митинг. С балкона Дома ученых — импровизированной трибуны митинга — к собравшимся обращаются со словами приветствия руководители района, Сибирского отделения, военные и молодежь. Минута молчания — для того,

чтобы почтить память погибших за свободу нашей Родины, память ушедших ветеранов великой Отечественной войны. После митинга на улицах городка начинается праздничное гуляние. Дымят военные полевые кухни, где готовят солдатскую кашу для угощения. Боевая бро-

нетехника готова для осмотра неугомонными ребятами. Спецназовцы удивляют собравшихся приемами рукопашного боя и лирическими песнями военных лет. А вечером небо над Городком расцветивают букеты праздничного салюта.

Салют, Победа!

Мы учились воевать, воюя

Александр Ильич Федоров, доктор филологических наук (Институт филологии СО РАН), старшина 22-го гвардейского полка Aviации дальнего действия. Участвовал в боевых действиях под Москвой, в Смоленской области, Румынии, Венгрии, Югославии. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда».

Сейчас, по прошествии многих десятилетий, с высоты нашего времени каждый из нас, прежде всего, пытается понять, почему в такой трагической ситуации, которая была в начале войны, нам всё-таки удалось одержать победу. Власть, которая искала врагов народа среди себя, среди мужиков, интеллигенции, огромное количество репрессированных, расстрелянных офицеров... За что, про что, в чем они виноваты? Ответа нет. По-видимому, никто из них не был виноват. Поэтому самое начало войны оказалось, фактически, без офицерского корпуса. Лучшее всего об этом сказал Твардовский: «Всех их, приговоренных к высшей мере, не воскресят и боги, а пока в боях непоправимые потери несут осиротевшие войска».

Наша подготовка к войне была не на высоком уровне. Авиаторов готовили, можно сказать, удовлетворительно. Что это значит? Это — тренировочные полеты: взлет, посадка, режим полета, знание машины. Но к бою авиация была не готова. Я был стрелком-радистом и неплохо знал воздушную стрельбу. Но, когда бой идет, нужно учитывать ракурс расположения немецкого самолета по отношению к нашему курсу, расстояние, скорость, чтобы упреждающая очередь попадала в немецкий истребитель. Всё это я знал, но всё-таки на третьем вылете нас подбили...

Самолёты наши были, как известно, не лучшими — любая пуля пробивала, даже пилот не был защищен, стрелок-радист тем более. Скорость нашей машины СБ (Скоростной бомбардировщик) — за 400 км в час, а у немецкого истребителя «Мессершмит-109» — 600 с лишним. Вооружение — пулемёт «ШКАС» (Шпитального-Комарицкого авиационный скорострельный) — 2 тысячи выстрелов в минуту. Скорострельность нужна, но прежде всего нужна убийная сила, а у «ШКАСа» с его калибром 7,62 мм она была 300 метров. Представьте себе воздушный бой: у немцев истребитель мог стрелять с километра, с 800 метров — уничтожал стрелка-радиста, потом заходил плотную и расстреливал нашу машину. Потери нашей авиации были в пять раз выше, чем у немцев. Зенитная артиллерия у них была просто великопленная. Ну а у нас... У нас была бравада: летать выше всех, дальше всех, воевать на чужой территории — всё это оказалась риторика и больше ничего.

Помню первые встречи с войной — под Сталинградом. Это был конец июля — начало августа 1942 года. Мы — курсанты, молодые пилоты, стрелки — ждём на аэродроме, когда нас сведут в летную столовую и покормят. Видим, возвращаются из полета три машины, одна садится поперек взлетно-посадочной полосы. Думаю, что случилось — пилот что ли куда-то не годится? Оказывается, хвостовое оперение перебито, руль поворота не действует — пилот посадил машину, как мог. Вышел из этой машины старший лейтенант, фамилию я его запомнил — Масленников — подошел к нам, гневный, расстроенный, лоб, видимо, осколком поцарапанный: «Ну, что, орлы с курятника, прислали вас воевать? Умеете воевать? Прежде всего знайте, что не выше всех и дальше всех, а долетите, ради бога, до Котельниково — там наша пехота мрет, как мухи!»

Весь полк фактически за две недели был разбит под Сталинградом. Оставалось несколько машин, их нужно было перебазировать на другой берег Волги. Помню день перебазировки: переправляемся на плотах — Волга там широкая, — а город весь горит... Сейчас известно, что за один тот день погибли 43 тысячи жителей. На самом деле больше, потому что к Сталинграду люди отступали с западных областей России и Украины. Скопление народа там было огромное. Раненых переправляли на волжских речных пароходиках, и немцы с бреющего полета расстреливали эти пароходики, бросали фугаски. Наша бедолага-пехота бросалась через борт в воду — пароходик горит, его крутит по Волге... Мы бросились на помощь, но спасти никого не удалось, раненые тонули сразу...

И тут, конечно, возникала дикая ненависть к немцам, просто звериная. Потом это чувство ещё больше усиливалось. Однажды мы сопровождали подбитые машины — их надо было доставить через Эльтон и Баскунчак, городишки под Сталинградом, разрушенные полностью. Машины были рассредоточены на железнодорожной станции, и помню — женщины с Украины скот гнали, а немецкие истребители их расстреливали с бреющего полета. Бедные худобы с пробитыми животами падают — это была страшная картина... У нас были пистолетики, и пилот, который был со мной, стал стрелять из пистолета по истребителю. Какой-то мужичок, по-видимому, рабочий, выругался: «Что вы делаете? Ваше место — вон там, в небе, а вы разделились, как петухи...» Было и стыдно, и было чувство такой безысходности — что же дальше, чего мы стоим?

Те же чувства переживали, по-видимому, и многие другие, не только авиаторы. Потом положение стало налаживаться. Позже мне пришлось воевать в авиации дальнего действия. Это было уже совсем другое дело. На американских «Боингах-25-Митчелл». Конечно, по сравнению с нашими СБ или Пе-2 они были лучше, ничего не скажешь. Бомбовая нагрузка у «Боинга» была две тонны, можно было больше брать, если на близкое расстояние лететь. Пулемёты «Кольт-Браунинг» калибра 12,7 мм, два мощных мотора «Ай-циклон»... Если один мотор подбили, пилот сваливал машину на работающий мотор, на подбитом ставил ребром лопасти винта, чтобы не было лобового сопротивления — и можно было дотянуть до своих. Так однажды и случилось, когда мы бомбили немецкие позиции.

Мы не посчитали, что у нас в 22-м полку Aviации дальнего действия было несколько отличных командиров экипажей — лётный состав АДД формировали из пилотов Аэрофлота. Пилоты и штурманы из гражданской авиации были хорошие специалисты, но многие даже стрелять из пистолета не умели. Помню, я учил стрелять из пистолета Мишу Каспарова. Он был великолепный пилот, чувствовал машину, как свой организм, а из пистолета не мог стрелять... Но были в полку и несколько кадровых военных: мой командир Иван Гаврыш, капитан Кравцов, Гайворонский, командир полка. Иван Егорович Гаврыш, Герой Советского Союза, прежде, чем я стал у него стрелком, похоронил одного за другим четырех убитых стрелков.

«Боинг», хотя и был хорошей машиной, но у него было слабое место, так называемый «дедспейс» — мертвое пространство за хвостовым оперением в виде острого угла, которое не простреливалось нашими пулеметами. Что же оставалось делать пилоту? Пикировать? Но «Боинг» — не пикирующий бомбардировщик, и если бы даже пикировал, истребитель его моментально нагонит. Так вот, Иван Гаврыш и капитан Кравцов использовали такую фигуру, которая называлась «уйти юзом»: пилот снижал скорость, выпускал закрылки, возникал эффект парашютирования, машина проседала и делала небольшой разворот, под углом уходя в сторону и вниз. Немецкий истребитель, обладавший скоростью до 650 км, не мог повторить этого манёвра — его по инерции уносило вперед. Пока истребитель делал разворот, нужно было снизить и где-нибудь на фоне леса, где самолет не так заметен, уйти в сторону. Так мы ушли дважды.

Отстреливаться лучше было, когда полк

шел в плотном строю, тогда групповым огнем можно было подбить или сбить истребителя. Но летали мы больше ночью, а в темноте строй было выдержать невозможно, да и незачем это было делать. Нашей задачей были не ковровые бомбометания, а точечные — по железнодорожной станции, городу, порту, аэродрому, скоплению войск, танков... Летали мы из сначала Подмосковья, из местечка Астафьево, со станции Щербинка, между Москвой и Подольском. Выпускали одного за другим экипажи, самолеты взлетали и шли по маршруту, как у нас говорили, «гусём», один за другим на цель. Полеты длились четыре-пять часов, на сколько хватало горючего.

Бомбили, конечно, по-разному, поскольку и лётный состав был разный. По возвращении во время так называемых разборов полетов нужно было точно и прямо, независимо от чинов и званий, сказать, отчего был неудачный вылет, почему погиб экипаж. Это помогало, то есть учились воевать, воюя, и мы, авиаторы.

Война учила нас быть беспощадными. Помню, сбросили мы бомбы на Брест-лавлё (это было уже начало 1945 года), оставалось еще проштурмовать дорогу Брест-лавлё—Берлин. Отступающих немцев было много. Радист отказался стрелять, Гаврыш выругал его матом и говорит мне: «Садись, Сашко, дай им...» А там и военные отступали бедолаги, и на каких-то колясках ехали, видно, мирные жители — вот наша эскадрилья и проштурмовала эту дорогу... Это оставило очень неприятное впечатление, но немцы поступали куда хуже. Когда мы летали через Ленинград бомбить Пулковские высоты, нас подбили, и два дня потом я ходил по Ленинграду, узнавал знакомые места (я до войны в Питере учился). Навстречу попадались люди, больше похожие на тень.

Как выходили на цель? Первый, ведущий экипаж (чаще всего это был наш), вывешивал над целью светящиеся авиабомбы (САБы). Когда мы подлетали к цели, километров за 30—40 было видно, что там происходит — в воздухе ночью далеко видно. А у немцев была такая тактика — весь огонь переносить на ту машину, которая попала в прожектора. Летишь и видишь — прожектор схватил машину, и весь огонь по ней. Машина загорается, прожектора провожают её до земли — столб огня, и всё. Мы летим туда, уходя от прямой атаки в сторону и сбоку. Штурман был хороший и мог рассчитать боковой выход на цель, там, где было меньше огня и не было истребителей. Бросали бомбы и резким снижением уходили из зоны обстрела.

Летали мы не только бомбить — возили грузы сербским и польским партизанам. Это были самые опасные полёты. Сербские партизаны воевали в горах, туда и нужно было сбрасывать боеприпасы и медикаменты по установленным сигналам. Сигналы — это фигуры из костров, крест или треугольник. Скажем, по заданию надо было сбросить груз на три-четыре треугольника. Прилетаем, а там штук двенадцать треугольников по разным местам. Снизиться, чтобы узнать, где реальная цель, ночью в горах невозможно из-за опасности зацепиться за выступ и рухнуть. Радист связывался с полком, запрашивал, куда бросать груз. Были случаи, когда возвращались с грузом назад или часть груза попадала к немцам, и вылеты считались неудачными. За неудачный вылет не платили, за удачный дальний вылет левый пилот, командир корабля и штурман получали по две тысячи рублей, правый пилот, стрелок, стрелок-радист — по тысяче. Тысяча рублей — это тогда были деньги. Их выдавали сразу, и я их тут же посылал маме. На тысячу мама могла в деревне купить два пуда ржи, которых хватало на месяц. Никто не отказывался от дальних полетов, многие соглашались летать и вне очереди, и я в том числе. Погибнуть можно было и на ближней цели, и на передовой, а для полетов на дальнюю цель нужно было быть выносливым, обладать хорошей реакцией, а главное — уметь отбить атаку. Ночью это было сделать трудно.

Как нас встречали? Под Москвой, конечно, радостно — свои люди. Кормили нас хорошо, а когда мы выходили из столовой, вокруг стояли дети с голодными глазами. Мы забирали из столовой куски хлеба, подкармливали их. Перелетели на Укра-

ину, на аэродром Калиновка в Винницкой области — там тоже люди нас встречали очень хорошо, хотя это была уже западная часть Украины. Правда, бандеровцы там пошаливали, но нас они боялись, потому что у нас у каждого был пистолет, и шутки с нами были плохи. Работали в войну там немолдые женщины и девочки. Парней почти не было, всех забрали: одних немцы угнали, других мобилизовали в нашу армию. Девушек многих в Германию угнали.

Помню, однажды мы неудачно сели, на одном моторе, на пашню под Москвой, у командира возникло размыкание позвонков, и он, бедняга, так мучился, что его отправили лечиться в Москву, а нам позволили две недели отдохнуть. Тогда отдых был роскошью, и вот мы, авиаторы, откормленные, пошли вечером туда, где собиралась молодежь, девушки, в основном, «спивали песни», танцевали. Подошел я к одной девушке, раз потанцевал с ней, второй, она мне и говорит: «Дядяка, витечпись от меня, бо ты дуже старый». Бог ты мой, думаю, почему же я старый? Пришел домой, посмотрел в зеркало: действительно, бледный, изможденный, постаревший. Каждый вылет — это четыре с половиной часа страшного напряжения: свои могли обстрелять по ошибке, если чуть-чуть сбился в сторону, по маршруту немцы расставляли зенитную артиллерию крупно- и мелкокалиберную. Хорошо, что командир полка был человек разумный и во время разборов полетов соглашался с предложением пилотов «обходить листом» опасные места, чтобы избежать зенитного огня. Комиссар полка ничего в этом не понимал, но пытался внушить нам, что мы трусы. А какие мы трусы, если искали способы не погибнуть? Сам-то он не летал.

На чужой территории встречали нас по-разному. В Румынии — враждебно, офицеры румынской армии смотрели свысока, иногда даже оскорбляли нашего брата, что им обходилось дорого — мы были не дураки подражаться. В Югославии встречали великолепно. В местечке Петроуград, на юге, сели мы на аэродроме, а местные жители окружили повозками-двуколками. Усатые такие сербы в высоких шапках, в армяках, рядом жена или дочка с флягой вина и сербским самогоном — палинкой или ракией. Все считали за счастье вести к себе, угостить, накормить освободителей. Конечно, наш брат сразу разбрелся по этим кибиткам, многие напились и сорвали вылет на другой день. Это был чрезвычайный случай.

Из Сербии мы полетели в Венгрию — в местечко Текел. Венгры — народ лучше, чем румыны, и если ты ведешь себя хорошо, к тебе тоже относятся хорошо. В Венгрии мы и закончили войну. Летали в то время на передовую, бомбили, когда брали Берлин, Зееловские высоты. На сам Берлин не летали, дальняя авиация могла там больше навредить, поскольку город пронизан был нашими войсками, брали каждую улицу, дом — с высоты нельзя было точно попасть по цели. Там действовала истребительная или легкая авиация.

Нам повезло, что у нас были великолепные командиры, пилоты с хорошим опытом, железные парни-штурманы. У нас был прекрасный штурман Нагорный Данила Иванович, сибиряк из Ишима. В эскадрилье его уважали, был он старше каждого из нас лет на восемь. Война закончилась, сначала стали демобилизовывать людей старшего возраста, раненых. Я тоже был ранен, рука после операции оказалась на полтора сантиметра короче. Не все нашли свое место в мирной жизни. С болью я узнал, что штурман Данила Иванович умер — замерз пьяный. В авиации он был фигурой, а в мирной жизни ему пришлось работать вахтёром, это было унизиетельно для майора. Мой командир Иван Егорович Гаврыш скончался три года назад, часто болел. Особенно тяжело ему пришлось в хрущевские времена, пенсия была небольшая, а на лекарства нужны были деньги. Я тогда зарабатывал прилично, был старшим научным сотрудником в Питере, потом здесь, в Академгородке, работал в институте и в университете, и с удовольствием помогал командиру. Он был, конечно, благодарен мне за это, но я ему был благодарен ещё больше — без него я бы едва ли уцелел.

Подготовила В. Садыкова, «НБС»

БАХТА ПАМЯТИ

«Из нас, мальчишек, срочно делали воинов...»

На прошедшей недавно встрече ветеранов с новосибирскими журналистами своими воспоминаниями о военном времени поделился академик Олег Федорович Васильев. В годы Великой Отечественной войны он был связистом, воевал на Калининском, 3-м Белорусском фронтах, участвовал в боях под Смоленском, тяжело ранен под Витебском. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Москвы» и «За отвагу».

— В июне 1941 года, когда началась Великая Отечественная война, я окончил школу-семилетку и собирался продолжить учебу в 8-м классе. Однако за несколько дней до начала войны в армию был призван мой отец. Позже я узнал, что это была специальная мобилизация — по поручению Генштаба Московский военный округ должен был сформировать штаб будущего Южного фронта. Я эти вещи узнал много позже из мемуаров начальника тыла Южного фронта. 23 июня мы с отцом распрощались на Киевском вокзале, на товарной станции — меня чудом нашел случайный человек с запиской от отца. Эшелон отбыл этой же ночью, как оказалось, на Украину. Из Винницы отец прислал гражданское по внешнему виду письмо, где написал, что идет штабная учеба. В общем, явно шло сколачивание штаба Южного фронта. Вскоре начались бои на территории Украины, немцы продвигались всё глубже. В конце августа отец был направлен в командировку, позже я узнал, что в штаб одной из двух армий, которые попали в окружение под Уманью. С тех пор никаких вестей от него не было. Мы получили последнее письмо от его товарищей, а потом и официальное извещение. Всю войну была, по правде говоря, какая-то слабая надежда, что он жив, хотя, побывав на фронте, я понимал, что никаких надежд не может быть для тех, кто попал на фронт в самом начале войны.

Довольно хорошо помню ситуацию в Москве в 1941 году, которую я видел глазами 16-летнего паренька, и в 1942 году, когда мне исполнилось уже 17 лет. В том числе и тем-

ные страницы истории Москвы военного времени (например, 16 октября, о котором был недавно поставлен документальный фильм, не вполне удачный). Осенью вместе с другими школьниками я побывал на заготовке овощей для Москвы, затем поступил на работу, был чернорабочим-пожарником на одной из крупных московских овощных баз, пока там еще была работа. 16 октября было объявлено осадное положение, фронт подошел вплотную к столице. Обстановка, видимо, была настолько неустойчивая, что властям не удалось скрыть, что произошло что-то необычное. Более того, налицо были признаки, что Москва, может быть, готовилась даже и к сдаче или, во всяком случае, к боям. Неожиданно к обычному пайку выдали муку — чуть ли не по пуду. Так просто выдавать бы не стали. Ещё через пару дней я был в числе мобилизованных на строительство оборонительных сооружений. Это уже была третья линия обороны Москвы: первая — в районе Вязьмы, вторая — Можайск-Волоколамск, третья линия строилась уже непосредственно в окрестностях. Тому крупному строительному подразделению, куда я попал, пришлось работать на строительстве оборонительных сооружений вдоль Калужского шоссе. В то время это была сельская местность: поле, несколько четырехэтажных домов, откуда людей эвакуировали и куда поселили нас. Там мы работали несколько недель.

В 1942-м году всё уже устоялось по-военному, жили мы на паяк, очень скромный для тех, кто имел карточки служащего или иждивенца. Но, тем не менее, в Москве была организована учеба — так называемые экстернаты, где в течение нескольких месяцев шла очень интенсивная учеба, после которой обещаны были документы об окончании того или иного класса. Осенью 42-го я форсировал учебу, чтобы закончить школу до мобилизации в армию. Я был принят с некоторыми условиями на инженерный факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Несколько месяцев учебы на этом факультете, затем лесогазовки, по возвращении с которых уже в Москве мы прочитали объявление военкомата о том, что лица 1925 года рождения мобилизуются в армию.

1 февраля 1943 года я после прохождения комиссии прямоком из военкомата был направлен во 2-е Московское военно-пехотное училище, которое находилось в Филях и было создано как дополнение к знаменитому Кремлевскому военно-пехотному училищу, где готовили по ускоренной программе младших лейтенантов, фактически командиров

взводов. Очень интенсивная учеба, тяжелый режим: из нас, мальчишек, старались быстро сделать взрослых людей, воинов.

Так продолжалось до августа. За это время мы успели построить полевой лагерь под станцией Крюково, около Москвы. Несколько месяцев полевых занятий тоже с очень большой нагрузкой, а мы все были после первой голодной московской зимы отнюдь не крепыши... В августе 1943 года нас направили в действующую армию.

Я и мой друг Володя Самойлов с большой группой курсантов были направлены в 69-й стрелковый полк 97-й стрелковой дивизии. Фактически это было переформирование дивизии, которая вышла с боев на Курской дуге, понесла очень большие потери. Конечно, мы поняли, что значит битва такого масштаба — в полках оставалось лишь по несколько десятков человек, в основном старший офицерский состав. К этому времени после печальной затяжной битвы с большими потерями Ржев был взят. Неподдалеку от города у нас было две-три недели учебы в полевых условиях, шло сколачивание новых подразделений, и я оказался в 3-м стрелковом батальоне 69-го стрелкового полка во взводе связи. Из этого было неслучайно: специально подготовленных связистов в армии было явно недостаточно, а в училище нас готовили по очень серьезной, многоотраслевой программе. Фактически на базе курсантского состава и был комплектован этот взвод, я был назначен помощником командира.

Вскоре наша дивизия ночными маршами стала перебрасываться в район Смоленска. Город был еще у немцев. Это были изнурительные ночные марши: по ночам мы шли, покачиваясь от усталости, а днем по возможности отсыпались. После очередного перехода вышли в район Духовщины, недалеко от Смоленска. Это была линия фронта, и здесь уже шли серьезные бои, в которые включились и мы. Операция по освобождению Смоленска была в полном разгаре, и мне довелось принять в ней участие на первом этапе пребывания на фронте.

Во второй день боев группа нашего взвода связи попала под минометный обстрел. Я в это время обеспечил связь с одной из рот. Командир взвода и старшина были контужены, тяжело ранен был один из моих товарищей, у него были переломы обеих бедренных костей, и мне пришлось накладывать ему повязки и вытаскивать его из под огня. Командование взводом перешло к мне, не бог весть какому опытному в тактике связисту. На второй день замполит подошел к тому окопу, в котором я сидел

вместе с комсоргом батальона, и сказал комсоргу командным тоном: «Его представить к награждению медалью «За отвагу»!

...Последующие тяжелые бои шли с большими потерями. Вскоре наша дивизия была несколько сжата, наш третий батальон был слит с одним из смежных батальонов, потому что наш комбат был ранен. Я был в тот момент рядом с ним на наблюдательном пункте. Дальше дивизия и полк двинулись в сторону Витебска. На Смоленщине бои шли за отдельные населенные пункты, районные центры и города. И вот дивизия дошла до Белоруссии. Здесь немцы успели к осени, к октябрю-ноябрю 43-го года, устроить мощные эшелонированные линии обороны, начались затяжные бои. Противнику удалось задержать нашу армию здесь чуть ли не на девять месяцев — до операции «Багратион», до конца июня 44-го года. Пришлось участвовать в нескольких наступлениях, целью которых ставился даже прорыв обороны.

В одном из таких наступлений, 23 декабря, будучи направленным для восстановления связи с одной из рот в только что захваченных немецких траншеях, я и был ранен. Мне в одиночку пришлось пробираться по бывшей нейтральной территории, под обстрелом. Я был фактически мишенью — снег уже лежал, никаких маскхалатов у нас не было... Добрался до траншеи и уже готовился нырнуть в нее, и в это время снайпер всё-таки достал меня.

Из эвакуогоспиталя довольно быстро я попал в число тех, кого отправили подальше в тыл. Проехали мы через Смоленск, затем по пути на восток я умудрился попасть в поезд, который привез меня в Москву, где я продолжил лечение в госпитале.

В апреле 1944 года я был демобилизован с инвалидностью, вернулся на учебу. С осени продолжил учебу на втором курсе, но уже в институте, который был связан с Тимирязевской академией — в Московском гидромелиоративном. Однажды кто-то из наших преподавателей пригласил старого профессора-гидравлика, ученика Н.Е. Жуковского, прочитать лекцию. Он уже успел отсидеть в лагерях, поработать на строительстве канала. Профессор прочитал лекцию «Изгиб потока жидкости, струящейся лентой» — такой вот романтик был. Из это дело меня увлекло. Я достал его книжки, начал читать, а потом взял и пришел к нему. Жил он в бараке около института. Он страшно был удивлен, но, тем не менее, мы подружились. А интерес к гидродинамике у меня остался на всю жизнь.

Подготовила В. Садыкова, «НБС»

Встреча с Александром Ивановичем Покрышкиным

К февралю 1946 года наша семья уже около двух лет жила на ул. Рабочей (теперь Чаплыгина), № 111 в небольшом (комната, кухня, сени, хозяйственные постройки) деревянном доме в глубине двора с большим огородом. Сейчас на этом месте трехэтажный жилой дом между улицами Чаплыгина и Максима Горького. В доме № 101, на углу Рабочей (Чаплыгина) и Каменской, в трехкомнатном доме жила семья наших друзей Головкиных. Порфирий Олимпиевич Головкин был известным и уважаемым в городе человеком, торговым работником, поочередно директором всех наиболее известных центральных гастрономов — на Советской, на Ленина, «под часами» и на Орджоникидзе. Фронтник, раненый. С Рафаилом Алексеевичем Молчановым (мой отчим), работником ОБХСС, они дружили с давних лет, и вот исполнилось их желание, они стали жить почти рядом — через три дома. Дядя Порфиша, очень хороший человек, частенько выручал меня по части отоваривания продуктовых карточек, особенно хлебных, за вчерашний день, если я не успевал выкупить хлеб в прикрепленном магазине. А иногда и укрывал меня в своем доме от гнева разбушевавшегося «Рафи». Тётя Клава кормила нас беляшами, а меня снабжала ложкой, чтобы в подполе, где меня прятали, я ел варенье. На самом деле, очень хорошие были люди, многим помогали, я им благодарен.

У них была дочь Неля, на три года меня старше, у неё была и соответственно другая компания ребят и девушек, тоже старше меня. Её подруги очень много времени проводили в Нелином доме, некоторые, можно сказать, дневали и ночевали там. И вот однажды, в первых числах февраля 1946 г., одна из Нелиных подруг, тоже Неля, Рюмина, прибежала к нам и сказала, что в доме у Головкиных гости — Александр Иванович Покрышкин с братом Валентином (это младший из семи братьев Покрышкиных). И что не знают, как

их принимать, а потому послали её за мной, чтобы я взял свой аккордеон и пришёл разрядить обстановку для начала.

Конечно, я сразу же собрался, взял свой «Эмсо» 3/4 и пошёл к Головкиным. Вошёл в залу, увидел всех, понял, что действительно скучновато, напряжённо-тихо, и стал что-то играть. А дальше получилось совсем неожиданно — мы с Александром Ивановичем ушли вдвоём в соседнюю комнату, закрыли дверь и играть я стал для него. Он очень удивлялся, как я умею играть, не зная нот. Рассказал, что привёз с фронта трофейный аккордеон, хотел научиться играть, но у него ничего не получилось. Просил показать, как играть, я что-то показывал. Так мы провели, насколько помню, 1,5—2 часа. Александр Иванович спросил меня, что я думаю делать после окончания школы (я учился в 8-м классе школы № 10, мне было 15 лет). Конечно, я ответил, что пойду в лётчики (мы все собирались в лётчики, искали училища, в которые якобы принимали после 8-го класса). Однако он мне сказал (это я помню почти дословно): «Ну и зря, война кончилась, больше лётчики так не нужны. Будешь в лучшем случае возить людей, будешь извозчиком. Лучше ты после школы поступи в институт, получи гражданскую специальность, будешь работать». Не скажу, что именно и только по его совету, но так в жизни у меня и получилось.

Когда мы с Александром Ивановичем вышли из маленькой боковой комнатки к хозяйке и к гостям, Александр Иванович сказал, что ему нужно поехать к маме, засобирался, вызвал машину. Пришла «Эмка». В машину он взял и меня с аккордеоном. Поехали на улицу Державина к его маме. Помню место, где стоял домик мамы Александра Ивановича, тёмные сени, но дальше не помню. А место это оказалось у ближнего к Красному проспекту торца здания теперешнего полпредства, потом много лет там сохранялись следы отдельных металлических

ворот. Напротив позже был построен пятиэтажный жилой дом Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР (теперь Сибирское отделение РАН), в котором я после переезда из Томска получил квартиру и жил до 1983 года.

Александр Иванович дал мне адрес своей квартиры в Москве: ул. Горького, дом 48, квартира 193, пригласил обязательно зайти к нему, когда буду в столице. Я записал и запомнил адрес. К тому времени в Москве я ещё не был. В следующем 1947 году я попал в Москву в составе новосибирской делегации участников Первого послевоенного Всесоюзного парада физкультурников. На тренировках и выступлениях по спортивной гимнастике в колонне РСФСР я находился в Москве более двух месяцев, иногда порывался, но, в общем-то, постеснялся воспользоваться приглашением Александра Ивановича, о чём сожалею.

Неля Головкина поступила и окончила ВГИК, вышла в Москве замуж за очень достойного и авторитетного человека. Однажды, много лет позже, будучи в Москве, я вошёл в свой гостиничный номер и по телевизору услышал о том, что скончался Александр Иванович Покрышкин. Я сразу же набрал по телефону номер Нели, она уже знала, мы вместе погоревали. В 2009 г. не стало и Нели. Закрылась ещё одна страница жизни, связанная с той незабываемой встречей в 1946 году 15-летнего мальчишки Генки Гришко с трижды Героем Советского Союза полковником Александром Ивановичем Покрышкиным.

Г.И.Гришко, чл.-корр. РАН
На фото: 1945 год, Александр Иванович Покрышкин в родном ФЗУ. Автору этого снимка, в будущем верному кинофотолетописцу Сибирского отделения, Рашиду Ибрагимовичу Ахмерову тогда было 18 лет.

9 мая стало первым выходным днем

О работе на «академическом заводе-лаборатории» вспоминает академик Игорь Юрьевич Коропачинский

На фронт я не попал, поскольку, будучи 1928 года рождения, к началу войны закончил пятый класс в 20-й школе Красноярска. В день, когда началась война, мы выезжали в пионерские лагеря. Впрочем, не выезжали, а выходили. Большая группа школьников, человек двести, прошла пешком 14 километров от города до лагерей ОСОАВИАХИМа (предшественника ДОСААФ и РОСТО). Пришли уставшие, нас покормили и уложили спать: тогда «мертвый час» считался полезным. А когда мы проснулись, то узнали, что началась война. И сразу было заявлено, что 600 советских самолетов полетели бомбить Берлин! Правда это или нет и, если правда, то вернулся ли назад хоть один самолет, я так и не узнал.

После этого в лагерях были созданы группы военизированной подготовки, и мы начали усиленно заниматься. Я попал в группу радистов-коротковолновиков, изучал азбуку Морзе и после полутора месяцев обучения даже получил квалификационное удостоверение, правда, с ограничением по скорости передачи. Затем я вернулся в школу, проучился еще год, закончил 6-й класс. Тут отца призывали в армию: ему было тогда уже около 50 лет. Он пришел на пункт сбора в городской парк. За столом сидели двое особистов и листали его личное дело. Один из них увидел, что отец, лейтенант запаса РККА, некогда закончил Санкт-Петербургский императорский университет, после чего был призван на Первую мировую войну. Особисты решили, что он был так или иначе связан с белым движением и призывали его не офицером — рядовым автоматчиком. Правда, из-за возраста его отправили не на фронт, а на охрану тыловых объектов в Забайкалье. Забегая вперед, скажу, что отца демобилизовали не в 1945-м году, а значительно позже, года через три-четыре. Вскоре забрали и маму: она в совершенстве знала немецкий язык и была призвана как переводчица. Правда, вскоре ее отпустили домой, где оставался я с девятилетней младшей сестрой.

И тут началась гололуда. Мама ежедневно получала 500 граммов хлеба по карточкам по норме служащей, нам с сестрой полагалось по 400, а кроме этого еды, по сути дела, и не было. Чтобы не протянуть ноги, я пошел работать на завод — после шестого класса, 14-летним пацаном... и сразу стал получать рабочую норму в 750 граммов хлеба. Первое время нас, самых младших, гоняли на подсобные работы. Приходилось, например, разгружать уголь. Стоя в открытом кузове грузовика — ни о какой технике безопасности тогда не помышляли — мы ехали за 12 километров от города до путей, на которых

стояли пудмановские вагоны. Каждый вагон — 60 тонн, на каждый — десять мальчишек и норматив: 2 часа 20 минут. Если дольше — грозит статья за саботаж, такие были времена. Приходилось делать всё, даже могли копать.

Затем в армию призвали ребят 1925—26-го годов рождения... и вскоре на них пришли первые похоронки. Я к этому времени получил профессию: стал токарем по металлу. Работал на фрезерных станках, поперечно-строгальных. Почему на разных? Потому что наш завод № 327 Наркомата электрослаботочной промышленности не выпускал серийную продукцию, а был заводом-лабораторией, тесно связанным с Академией наук. Достаточно сказать, что руководителем одной лаборатории был доктор технических наук профессор Богородицкий, лауреат Сталинской премии, главный инженер — профессор Спицын, тоже лауреат Сталинской премии.

Мне выдавали пакет чертежей, как правило, секретных, с указанием, сколько каких деталей к какому сроку изготовить. Если не успел — не уйдешь с завода, пока не выполнишь задания. Объявлялось так называемое казарменное положение: ночуй там, где работаешь. Часик вздремнул, потом голову под кран — и снова к станку. Мой ученик Вася Бузунов ухитрился сделать себе «спальное место» из снятого со стены фанерного транспаранта с надписью «Больше продукции — ближе Победа!» (кстати, Вася потом играл в сборной СССР по футболу). Могут сказать, что за все годы работы на заводе не было ни одного настоящего выходного дня. В конце каждой недели мы видели на заводской доске объявлений одну и ту же надпись: в связи с производственной необходимостью такой-то день считать рабочим.

Я прекрасно помню 9 мая 1945 года — за все годы войны это был первый нерабочий день! Но все, не сговариваясь, собрались на заводе. Находился он в здании Лесотехнического института на проспекте Мира, в самой старой части Красноярска. Случилось что-то вроде стихийного митинга. После этого все дружно пошли на главную площадь города — площадь Революции. Мне, как токаря, имевшему допуск к спирту, доверили бидончик с этой жидкостью. Всех угощали, нас тоже угощали. Такого праздника не было ни до, ни после. Об этом бесполезно рассказывать — только увидеть и почувствовать. Все обнимались, целовались... Была удивительная атмосфера радости и братства.

Что мы выпускали? Продукция была зашифрована. Изделия назывались условно: «призма», «шар», «СПУ», «колба». Уже после

войны мне рассказали, что это было такое. С чужих, правда, слов, сообщу, что «призма» входила в комплект для размагничивания кораблей, этой темой в войну занимался академик Александров, впоследствии возглавивший Академию наук СССР. «Колба» оказалась частью радиомаяка для дальнебомбардировочной авиации, СПУ — самолетным переговорным устройством. А для чего служил «шар», мне так и не довелось узнать. По мере того как ребята постарше уходили на фронт, я переходил на более сложные работы, повышал квалификацию. В 16 лет я уже входил, можно сказать, в элиту токарей нашего завода. Помню такое изделие, как «коробки Нортон» — это второй класс точности, очень тонкая работа... Поэтому мы поневоле становились универсалами, учились работать на станках разного типа, наших и импортных. Достаточно сказать, что когда к нам приходили на практику студенты из вузов, то мы, пацаны, их обучали. А вскоре после Победы нас наградили медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

За перевыполнение планов я попал в категорию стахановцев и получил дополнительно 100 граммов хлеба. Я стал себе позволять обедать с хлебом, а обед был обычно «из трех блюд». Первое называлось расольником и представляло собой кипяток с несколькими кусочками зеленого соленого помидора и ложкой рыжикового (не из грибов рыжиков, а из льняного сырья) масла, горького, как хина. На второе давали картофелину в мундире: я не могу понять, почему картошка всегда была мороженой и вонючей. А на десерт был чай по такой рецептуре: кусок сахара сжигали и добавляли в котел, отчего напиток приобретал коричневый цвет и характерный запах. Хлеб тоже был малосъедобный: туда добавляли все, что угодно, вплоть до лишайников. Мы, кстати, считали себя счастливой семьей. Моя мать работала в артели «Металлист», где варили рабочим на обед картошку. На дне котла оставался мутный осадок с мелкими кусочками картофеля. Мама просила поваров слить ей этот осадок и мы с нетерпением ждали, когда она вернется с работы с бидончиком, нас подкормить.

В городе, замечу, была страшная обстановка из-за разгула бандитизма. И милиция была ослаблена, и беглых из многочисленных лагерей, и дезертиров было полно... Уличного освещения не было. Когда мимо нас проходили, эшелон за эшелон, поехали на войну с Японией, то мы, не боясь уголовной статьи, ходили к путям и выменивали у солдат трофейные «Парабеллумы», с ними

казалось спокойнее. Всю войну, как я уже сказал, не было выходных, но я занимался стрельбой и входил в сборную команду Сталинского района Красноярска. Подготовка к соревнованиям была не столько спортивной, сколько военной. Мы стреляли из боевых карабинов, из снайперских винтовок, из пулемета Горюнова и пистолета ТТ, из автомата ППШ. У меня были хорошие снайперские результаты: за 600 метров попадал в мишень «пулеметное гнездо» размером с кусочек бумаги А5. Очевидно, что нас готовили для фронта: трудно было предугадать, когда завершится война, и новые призывники должны были быть подготовленными. Меня, кстати, никто и не спрашивал, хочу я стрелять или нет — просто сказали, что включен в стрелковую команду.

Когда война стала явно подходить к концу, я стал подумывать о продолжении образования. Ведь один год я вообще никак не учился, а потом ходил в школу рабочей молодежи. Но что это была за школа? Отработав 12-часовую смену, по темному городу, усталый и голодный, в засаленной телогрейке идешь в помещение, где нет даже электричества — и при свете копилки пытаешься чему-то научиться... Так я прошел 7-й и 8-й классы, и на этом мое школьное образование завершилось. Когда война закончилась, я поступил в машиностроительный техникум. Поскольку я пришел туда с оборонного завода, то в моей трудовой книжке была запись «уволен на учебу» и годы техникума засчитывались в производственный стаж: этим летом он будет насчитывать уже 68 лет.

Оканчивая первый курс техникума, я решил заниматься изучением природы — машинного масла нанохалс вдоволь. В течение одного лета заочно сдал экзамены за этот курс, за 9-й и 10-й классы средней школы и приемные в институт. Так я стал студентом Сибирского лесотехнического института, который закончил в 1951 году. Там я остался в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию и далее занимался только наукой.

Подготовил А. Соболевский, ЦОС СО РАН

«Я помню страшные бомбардировки Ленинграда...»

Академик Юрий Григорьевич Решетняк ребёнком пережил блокаду Ленинграда, награжден знаком «Жителю блокадного Ленинграда».

Я очень смущен, что меня называют ветераном. Когда началась война, я закончил 4-й класс средней школы, в 1945 году мне исполнилось только 15 лет.

В 1941 году я с родителями жил на окраине Ленинграда, за Невской заставой, это место сейчас называется проспектом Обуховской обороны. Школа, где я учился, до сих пор функционирует, там теперь учатся матросы речного флота. Когда после войны мы вернулись в Ленинград, я пошел посмотреть на свою школу и увидел ребят в форме...

Наш район был застроен деревянными домиками, на пустырях были огороды, мы выращивали там картошечку, которая нас немного поддерживала в блокадное время. Мы даже делились ею со своими родственниками.

Я хорошо помню первые страшные бомбардировки Ленинграда, первый налет, когда немцы сожгли Бадаевские продовольственные склады. Это была жуткая картина: выстрелы зенитных орудий слились в один сплошной рев, а дым от пожара поднялся и загородил половину неба. Как пишут сей-

час, продовольствия на складах было всего несколько дней — это была, конечно, потеря, но не совсем уж катастрофическая.

Паёк, который мы получали, всё время уменьшался и уменьшался. Сначала в него входили хоть какие-то продукты, например, чечевица (я помню вкус чечевичной похлебки), потом мы стали получать только хлеб. Люди начали умирать от голода. Умерли две маленькие девочки, которые жили в нашем доме. Умер мамин брат, который до войны жил в поселке Саблино под Ленинградом, но, когда туда пришли немцы, он переехал в город. Мне было неполных 12 лет. Каюсь, конечно, но мои родители старались дату, пока я считался ребенком, оттянуть как можно дальше, поскольку на детскую карточку выдавали 250 граммов хлеба, а на иждивенческую — 125, и, как только я перерастал категорию ребенка, паёк уменьшался вдвое.

Помню бомбардировки и артобстрелы... Местность, где мы жили, немцы часто обстреливали. Сначала мы прятались — у нас возле дома была щель вырыта, всем жителям было дано указание сделать такие укрытия вместо бомбоубежищ, но потом перестали прятаться, а просто слушали: если несильно дрожат стекла, значит бомбят где-то далеко и можно продолжать заниматься своими делами, а если близко — бежали прятаться. Как-то ночью немцы высыпали на наш район целую кучу зажигательных бомб. Эти маленькие бомбочки потушить было чрезвычайно трудно, для этого надо было высыпать на каждую по ведру песка. На наш дом, к счастью, они не попали, а вот на большой барак противоположной стороне улицы упала бомба, и я видел, как он горел ярким пламенем. Подъезжали пожарные машины, но потушить его не удалось. Еще я помню, как ночью небо освещали прожектора, как кто-то пускал ракеты. Может быть, это делали не-

мецкие агенты или люди, подкупленные агентами, а, может, пускали и наши, чтобы направить немцев на ложные цели. Я в военном деле не разбираюсь, но допускаю, что такая тактика в военное время возможна.

В начале января 1942 года начала действовать «Дорога жизни», паёк постепенно стали прибавлять, школы начали работать. У нас в школе даже елка была с Дедом Морозом, который нам спел «В лесу родилась елочка...». Нам дали подарки, пакетики с продовольствием, и я свой подарок целым и невредимым донес домой, выдержал испытание... Проучился я меньше месяца, а потом начали думать об эвакуации. Сначала эвакуировались мы с мамой, отец — через несколько месяцев. Он по инвалидности был невоеннообязанным.

Мы нашли эшелон, который шёл на Северный Кавказ. Там жили родители моего отца, мои дедушка и бабушка — Семен Ефремович и Меланья Михайловна, и папина сестра Евдокия Семеновна. Они работали в колхозе, у них был приусадебный участок, и там можно было военные годы пережить. И это был расчет, безусловно, правильный.

Процесс эвакуации длился долго. Сначала нас подвезли на грузовиках до Финляндского вокзала, где мы сели в теплушки и доехали до станции на берегу Ладожского озера. Кажется, она называлась Борисова грива. Ночью нас погрузили на грузовики, и через час, а, может быть, и меньше, мы оказались уже на другом берегу, на станции Кабона. Там нам выдали хороший паек и посадили в эшелон, который повез нас уже на Северный Кавказ. Ехали мы целый месяц — понятно, что в условиях военного времени наш эшелон не принадлежал к числу первоочередных грузов.

В моей памяти остались два момента этого путешествия: остановка на станции Волховстрой — это был первый пункт, на котором эвакуированных кормили. Поразил об-

разцовый порядок организации — не было ни давки, ни толкучки, никто не рвался вперед — каждый получал свой паёк и отходил. И второй момент — наш путь пролегал по восточной части Европейской России — мы проезжали через Сталинград. Это было долго до сражений, и тогда ещё никто и представить не мог, какую роль этот город сыграет в истории войны. Наконец, мы прибыли в Краснодарский край, в город Армавир, где нас продержали в порядке реабилитации примерно месяц. Расселили нас по частным квартирам, согласия хозяев, по-видимому, особо никто не спрашивал, а в условиях военного времени никто и не возражал. Через месяц мы прибыли в станицу Елизаветинская, где жили наши родственники.

Первой встречей со своей бабушкой я был немного ошарашен, поскольку мне ее речь была непонятна — на Кубани люди говорят на смеси русского и украинского языков, которую называют суржик. Но вскоре я освоился и все особенности местного говора понял. Моя мама, чтобы не быть нахлебницей у родителй отца, устроилась на работу в небольшой совхоз, который являлся подсобным хозяйством ипподрома. Сначала она была лаборантом, потом счетоводом.

Надо сказать, что мы попали, как говорят, из огня да в полымя — убежали от немцев из Ленинграда, но в августе 1942 года немцы оккупировали Краснодарский край. Правда, боев никаких в нашей станице не было, выглядело это так — одна армия ушла, пришла другая. Конечно, немецкие солдаты держались как завоеватели, но вели они себя достаточно цивилизованно, открыто мародерством не занимались. Об истинном лице оккупационной власти мы узнали потом, когда немцы ушли, и мы услышали рассказы о их дьявольском изобретении — автомобиль-душгубках, использованных в Краснодаре.

Подготовила В. Садыкова, «НБС»

ВАХТА ПАМЯТИ

Из воспоминаний новосибирского мальчишки

Я узнал о начале войны солнечным утром 22 июня 1941 года в Парке Героев Революции. Из чёрного репродуктора на высоком столбе разнеслась речь Молотова. Много лет спустя, когда я уже работал в Институте горного дела, я привёл сюда моего немецкого друга Георга Эверлинга, с которым у ИГД были научные контакты, и рассказал о своём военном детстве.

А 3 июля 1941 года с замирающим сердцем мы слушали негромкую речь-обращение к народу И.В.Сталина. Его призыв — «Победа будет за нами» — стал единой целью народа. Только сейчас мы, тогда 10-летние, хоть как-то можем оценить те бесконечные лишения, потери, ту необозримую работу, которые страна смогла перенести для Победы.

Появились эвакуированные. Мне довелось узнать ребяташек из Москвы, которые стали учиться в нашей 22-й школе и жили в наших домах на Трудовой улице: Алика Сыркина, Мишу Геккера, Наташу Степанченко и многих других. Особенно я подружился с Аликом Сыркиным. Впоследствии он стал известным кардиохирургом, академиком медицины. В Москве он жил на Пушкинской, 9. Играли мы, конечно, в войну. Алик был из образованной и культурной семьи. Очень много обсуждали книги. Я многому от него научился. К сожалению, наши послевоенные пути разошлись.

В школе делились сводками Информбюро, обсуждали поражения и победы. Победы нас, как и всех, окрыляли. Все фанатично хотели на фронт, но нам было по 10—11 лет. Ходили слухи, что есть военные (лётные) училища, в которые якобы принимают с 12—14 лет; мы их искали, но к сожалению, не нашли. В кружках изучали морское дело, оружие. Иногда дежурили, охраняя школу по ночам. Мастерили деревянные автоматы, пулемёты, пистолеты для военных игр.

Помню первого увиденного офицера Красной Армии в погонах, какая гордость

охватывала всех при виде его; мы, мальчишки, долго бежали за ним. Мы тоже стали рисовать себе погоны.

Главной задачей для многих ребяташек стало — найти, где будут продавать хлеб, как отоварить карточки. Моему отчиму, работнику милиции, полагалось 800 граммов, нам с мамой как «иждивенцам» — по 400 граммов. Но и за этими граммами приходилось стоять часами каждый день. Позже стали прикреплять карточки к определённым магазинам. Стало больше порядка, но стоять приходилось всё равно много часов. Так же и за крупной (пшённая сечка), лапшой, сахаром. Потерять или не отоварить карточки было жизненной трагедией.

А ещё надо было приносить на 5-й этаж воду. В подъездах не было света, дверь в квартиру была напротив чердака, держалась на «честном слове», иногда ночью было страшно. Готовили на коммунальной кухне на буржуйках. В школе нам давали по серо-белой булочке, и мы с нетерпением ждали, когда принесут цинковый бачок с булочками и накидывались на них. А за какие-то выступления (мне доводилось «горнить» с балкона в театре) давали ещё булочку и соевую конфетку — вообще роскошь! А уж как кормили летом в пионерских лагерях — это была настоящая забота страны о детях.

И вот незабываемый и многозначный факт. В Доме печатников, где сейчас на Красном проспекте книжный магазин, был магазин продуктовый с хлебным отделом. У прилавка ежедневно стоял пленный немец с мешком — он просил хлеб для пленных. И люди молча, без разговоров и без упреков отдавали ему из своих скудных граммов то, что получали в виде «довесков». И я отдавал. Такова душа русского народа.

Для большинства из нас с конца весны и до осени длилась картофельная эпопея — картошку надо было, подготовив семена, посадить, прополоть, окучить, выкопать, охранить, вывезти, перебрать, отобрать на семена для будущей весны, заложить на хранение. Землю давали довольно далеко, приходилось в 3—4 часа утра идти на вокзал, ехать на пригородных поездах, потом час-два идти пешком до поля, а после дня работы проделывать это всё в обратном порядке. Кроме картошки, приходилось работать на огородах, своих и совхозных. Я не слышал, чтобы кто-нибудь из ребят роптал на тяжёлый физический труд и голод, само собой разумелось, что это нормально.

Лазили по крышам — проверять светомаскировку, содержать в готовности оборудование против зажигалок — ведь немецкий рейдер заходил в Обскую губу и обстреливал Диксон. Но с крыши Дома печатников было удобно и смотреть на военные парады! Лётчик на истребителе вверх ногами пролетал прямо над нашими головами, вызывая всеобщее восхищение.

Был и свидетелем трагедий. Стоял у окна и видел взрыв 179-го комбината (впоследствии «Сибсельмаш»). А в начале лета

1943 года постоянное гудение над городом самолетов Чкаловского завода перешло в рёв, закончившийся взрывом — лётчик-испытатель Старошук направил неисправный самолёт в булыжную мостовую Красного проспекта (почти напротив теперешнего Дома быта). Он погиб. Я прибежал через минуту, увидел дымящуюся воронку. Много лет потом я видел выделявшиеся оконные рамы в соседнем доме и знал, почему они появились. (На этом месте установлена небольшая стрела в память о герое, ценой своей жизни спасшем многих жителей Новосибирска. — ред.)

Напротив нашего дома, через Красный проспект, был госпиталь, и мы установили контакты с ранеными. Один из них, Коля Артамонов, после выписки зашёл к нам в квартиру, попрощался, оставил мне извлечённые из его ран осколки снарядов, оставил адрес в Москве — улица Восточная, 36.

Во время войны была открыта сеть ремесленных училищ. Сын хозяйки комнаты, где мы снимали угол, Юра М. (он был очень талантливым художником) поступил в РУ и приходил домой, на зависть нам, в новенькой чёрной форме, рассказывал, что в ремесленном училище на завтрак давали какао.

Потом возле Окружного Дома офицеров выставили трофейную немецкую технику. Это было очень поучительно — такие громадины, а побеждены нашим оружием и пленены. Мы очень этим гордились.

Отчим мой работал в уголовном розыске, затем в ОБХСС. Режим работы в милиции был с 10.00 до 17.00 и после двухчасового перерыва с 19.00 до 2-х часов ночи. Иногда по вечерам я показывал сыщикам через фильмоскоп детские фильмы. Они бывали очень довольны. Это были очень хорошие люди. Когда отчим бывал дежурным по городу, я приносил ему ужин. Несколько раз в это время случались происшествия, и он брал меня на выезд. Тогда ходили слухи о своей «Чёрной кошке». Я присутствовал на похоронах следователя, погибшего при задержании бандитов.

Во время войны в первом подъезде Дома печатников жил знаменитый сибирский баянист Иван Иванович Маланин. Иногда по вечерам он выходил с инструментом в скверик во дворе и играл. Это было чудо. Мы слушали его игру, особенно вальсы и «Синий платочек», военные песни. Тогда-то мне захотелось самому научиться играть на баяне. Музыкального образования у меня не было, но играть я научился. Мама купила мне баян, потом аккордеон (в 1946г. он стал поводом моей встречи с А.И. Покрышкиным), я стал играть в школе, в клубе, в школе танцев, на вечерах. Зарабатывал.

Надо сказать, что во время войны концерты эвакуированных артистов сыграли огромную роль в поддержании патриотизма. На новосибирском радио ленинградцы Борисов и Адашевский вели передачу «Огонь по врагу», и мы не пропустили ни одного выпуска. Они начинались заставкой:

«С боевою песней — это не впервой нам, Бить врагов советской солнечной земли, Боевую песню мы в былые войны На штыках советских с честью пронесли. Эх ты, песня-душа, Песенка-красавица, Больно песня хороша, А врагу не нравится!»

Приезжали Л. Утёсов, К. Шульженко, Э. Рознер и другие. Событием стало открытие 12 мая 1945 г. Новосибирского оперного театра, который строился все годы войны. Нашими кумирами были герои военных и исторических фильмов.

Вообще, я думаю, советские песни, музыка, кинофильмы, стихи, проза, публицистика, спорт, юмор — будучи поистине народными, не забываются и никогда не забудутся, вернутся и сделают нашу жизнь, особенно жизнь молодых поколений, человеческой, патриотичной и просто осмысленной.

В 1944 г. был организован Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР. Его возглавил известный учёный-угольщик академик А.А.Скочинский. Первым институтом в ЗСФ АН СССР стал Горно-геологический (ныне Институт горного дела СО РАН). Его возглавил также крупный учёный-угольщик Н.А.Чинакал. После А.А.Скочинского ЗСФ АН СССР вплоть до организации Сибирского отделения АН СССР в 1957 г. возглавлял член-корреспондент АН СССР, также угольщик, Т.Ф. Горбачёв. Всё это говорит об огромном запасе жизненных сил страны в советский период.

А потом начались салюты в честь наших побед. Пришёл на нашу улицу праздник! Да ещё какой! Нам уже было по 14—15 лет. Каждый салют был общей радостью. Вечером на площади Ленина собирался «весь город». Лучи прожекторов, залпы орудий, весёлые и счастливые лица, счастливое и тревожное ожидание Великой Победы. Мы тоже вместе со всеми пережили эти трудные годы!

9 мая 1945 года свежим солнечным утром я, как обычно, пошёл в школу. Но дошёл только до Красного проспекта — Победа! Я свернул в сторону площади Облисполкома. Площадь уже была заполнена ликующим народом. Мне досталось место на крыльце Краеведческого музея. На балкон Облисполкома вышел Первый секретарь Новосибирского обкома партии М.В. Кулагин. Он закончил свою краткую речь словами «А теперь — гуляй, Сибирь!». Это было счастье, оставшееся на всю жизнь!

Уважаемые читатели! Рассказанное — фактические события, впечатления и чувства моего детства и юности. Детства и юности городского новосибирского мальчишки. Что мы видели и что знали. Я осведомлён о том, что в жизни было, есть и будет и хорошее, и плохое. Но дай Бог всем мальчишкам и девочкам жить в такой же стране, в которой жили мы. Жизнь продолжается.

Г.И.Грицко,
член-корреспондент РАН

Вот эти руки, руки золотые...

Аграфена Яковлевна Морозова не ходила в атаку, не стреляла в фашистов. Она по 12 часов стояла у заводского конвейера в городе Горьком, делая снаряды для фронта, которыми бойцы, в том числе и ее муж, кадровый офицер-артиллерист, громили врага. Бомбежки, голод, «приходилось порой и опилки березовые к жмыху подмешивать и ночевать в заводском душе на лавке». Все вынесла хрупкая женщина, дождалась с фронта раненого мужа, родила двух детей и многие годы потом кочевала с ними по военным городкам и лагерям, пока не осела семья в Академгородке Иркутска.

— Пока муж был жив, беды не знала — прожили много лет, как говорится, душа в душу, — рассказывает Аграфена Яковлевна. — Ни разу не услышала от него грубого слова. «Вороной» однажды назвал за то, что не заметила, как деньги у меня вытащили. И я долго на него обижалась. А когда умер, жизнь изменилась. Дети в перестройку работу потеряли, что-то у них не заладилось, и пришлось даже воспитание внучки-инвалида детства на себя взять. Поднимала, пока могла. А теперь уж нет здоровья, глаз один и тот плохо видит.

Аграфена Яковлевна была очень смущена, когда ее пришли поздравить с праздником заместитель председателя Президиума ИЦ СО РАН Олег Владимирович Бентхен, руководитель ФГУП ЖХХ ИЦ СО РАН, Елена Леонидовна Четверикова и кор-

респонденты. Долго со слезами на глазах благодарила за подарки и за то, что сделала ей такой хороший ремонт в квартире. Об этом позаботился Президиум ИЦН и ЖХХ Академгородка — совместными усилиями изыскали такую возможность.

Несмотря на свои 89 лет и почти полную

потерю зрения хрупкая женщина еще сама себя обслуживает, потому что у детей-то свои проблемы. В прошлом году и обои в одной комнате сама наклеила, и красивые кружевные скатерти связала. Руки-то у нее, как в народе говорят, золотые — до самой пенсии швейи-надомницей работала при

ателье. Да и потом всех знакомых в Академгородке обшивала.

— Да только не засчитали этот стаж мне, — говорит Аграфена Яковлевна, — и потому пенсию маленькую назначили. А ведь приходится и внучке помогать, и квартплату за нее платить, поскольку она здесь прописана, хотя и не живет...

Заметно, что Аграфена Яковлевна не из жалобщиц. Она и порадоваться мелочам жизни умеет, и об интересном рассказать. Но не могла не высказать «высокому начальству» и про горести, что накопились — ведь некому больше: «Сделали операцию на одном глазу, нужно было и второй лечить, да все говорили: «Не созрела еще катаракта!». А у меня хрусталик лопнул. Боль невыносимая, а меня ни одна больница не принимает. По всему городу на «скорой» возили, пока врачи в железнодорожной больнице не сжалились. Но глаза-то лишилась. Ордена и медали наши с мужем жулик пытался отнять, теперь дома их не держу. Счетчик украл и теперь за свет платить много приходится. А все льготы, дотации монетизация постепенно съедает. Почему к нам, старикам, такое отношение?».

Ну что ответить? Простите, дорогая Аграфена Яковлевна, за бездушные наше...

Галина Киселева
На снимке **В. Короткоручко:**
— Аграфена Яковлевна Морозова принимает гостей.

«Мы все рвались на фронт, а как же иначе?»

Я не считаю себя героем или человеком, который внес большой вклад в победу — я был на войне только в последний год. Есть люди, которые заслуживают большого внимания, потому что воевали гораздо дольше.

Мы все рвались на войну. Сейчас это кажется странным, многие молодые люди стараются от армии увильнуть, а я тогда думал — как же я буду жить, если после войны мне кто-нибудь скажет: «А отчего же ты на войну-то не был?» И мне стыдно станет. Мой папа погиб на фронте в 1941 году, все мужчины нашей семьи, все мои родные воевали — как же можно было иначе?

...На фронт я попал после артиллерийского училища, в 1944 году, и в боевых действиях участвовал меньше, чем лежал в госпиталях. Меня госпитали и спасли — если бы я не был дважды ранен, я бы, наверное, не выжил, потому что хоть пробыл на войне и недолго, но в самом пекле. Я командовал взводом сорокопятков. Это небольшие пушки с узким стволом и маленьким снарядом. Они находились в пехоте, и нашей задачей было

разведчика передал открытым текстом: «Город в огне!». Это было в конце 1944 года, бомбили Хельсинки. Через несколько дней появилось сообщение о капитуляции Финляндии.

Основная трудность состояла в том, что работать надо было ночью и долго. Часто экипажам приказывалось выходить на связь только после выполнения задания, но радисты на земле всё равно слушали: мог быть сигнал SOS или важное сообщение. Слушать несколько часов «пустой эфир» было тяжело. Когда началась работа, самолёты выходили на связь один за другим и едва хватало времени записывать сообщения, становилось легче. Плохо, если не все самолёты выходили на связь. Тогда на земле продолжали слушать, пока оставалась хоть какая-то надежда, и пока не было приказа выключить приёмники. Однажды мы так и не услышали экипаж, в котором был муж нашей радистки. До сих пор помню, как она рыдала.

При работе с самолётами нужно было хорошо слышать и разбирать плохую морзянку. А для работы в штабном радиоузле, который обеспечивал связь корпуса с Москвой и куда меня перевели, нужны были скорость и качество приёма и передачи. Сообщения с грифом ОВ (особо важные) и «Воздух» (вне всякой очереди) нужно было принимать и передавать быстро и без ошибок. У шифровальщиков не должно было быть претензий. Ошибки и промедления могли привести к серьёзным последствиям.

Начиная со второй половины 1943 года наши войска неуклонно продвигались на Запад, и части авиации дальнего действия постоянно перебазировались. После курсов в Мононо были Малоярославец, Выпolzово (между Москвой и Ленинградом), Чернигов, Киев, Проскуров, Гречаны, Луцк, Белосток. Наш радиоузел обычно оборудовался в каком-нибудь здании на окраине города или большого села. Переезд из Мононо через Москву в Малоярославец особенно запомнился: противотанковые ежи на окраинах Москвы, всюду темно и пусто, в небе — аэростаты заграждения. Потом вдоль дороги иссечённый пулемётными очередями и осколками снарядов лес. Тяжёлое зрелище.

Некоторое время я в звании младшего сержанта даже был командиром приёмной машины РАТ-300 (это станция, состоящая из трёх машин: приёмной, передающей и силовой). Подчинённых у меня не было. Запомнилось, как по неопытности, когда надо было заряжать аккумуляторы, я отсоединил от них все провода, а потом не знал, что куда присоединять. Пришлось звать на помощь. Кстати, благодаря этому и многим другим случаям, связанным с техникой, я хорошо понял, как важно много знать и уметь. Я видел, как уважали людей, которые знают и могут, и не уважают незнаек и неумех. Оценил я и роль образования: оказалось, что шесть моих городских классов (причём довольно обыкновенных) позволяли легко усваивать то, что сельским ребятам давалось с трудом. Когда после войны я демобилизовался, колебаний по поводу дальнейшей учёбы у меня не было.

поддерживать пехоту огнем и колесами. Когда я приехал на фронт, и начальство нам сказало, что мы пойдем воевать на сорокопятках, я был даже удивлен — зачем я столько учился в училище, если приходилось воевать на лошадях, которые тянули наши орудия во время переходов? Мы-то думали, что нашим уделом станет тяжелая артиллерия. А тут — лошади. Я был городской мальчик, коней видел только на улицах, но так на них и провоевал до конца войны. Привык, научился ездить верхом.

Надо сказать, однако, что в тяжелой артиллерии потерь было не столь много, а в сорокопятках командир взвода больше месяца не служил — убьют или ранят.

В битве за Данциг — самой большой битве, которая выпала на долю Второй ударной армии, где я служил, в 1945 году, когда началось наступление, приведшее к концу войны — я не участвовал, потому что лежал с ранением в госпитале. Эта битва осталась незамеченной историками, потому что была не самой удачной. Мы победили, но так долго и тяжело брали Данциг и

несли такие потери...

После войны, уже работая в Сибирском отделении, как-то раз я сказал академику Окладникову, что всё пытаюсь найти следы моего отца и хочу поехать в главный военный архив в Подольске. Он сказал: «Поезжайте», и я приехал в Подольск. Такого в моей жизни никогда не было. Я проработал там две недели, приходил самым первым и уходил последним. Но ничего не нашел, материалов не сохранилось никаких. Погибла вся армия, в которой воевал мой отец, штаб, командующие — но материалов не было.

И тут меня осенило, я спросил, нет ли у них материалов по Второй ударной армии, которой когда-то командовал генерал Власов. Эта армия на Волховском фронте в 1942 году пыталась прорвать блокаду Ленинграда, однако вся погибла, Власова взяли в плен, а потом была сформирована новая Вторая ударная, которой командовал И.И. Федюнинский, и как раз в неё я и попал.

Я с такой страстью работал, нашел все документы вплоть до зачисления меня на военный паек, схемы артиллерийских позиций,

которые сам и рисовал. Таким образом, я собрал материал не только о тех событиях, в которых сам принимал участие, но и нашел информацию о том времени, когда лежал в госпитале. Я узнал судьбу некоторых людей, в том числе моего преемника, которому я сдавал командование, когда меня увозили с ранением. Он, помню, на фронте учил меня уму-разуму — я был молоденький офицерик, лез во все дырки. И вот я нашел материалы и выяснил, что тот человек погиб.

Тогда я понял, какими усилиями брали Данциг. Почти два месяца, четыре раза Рокоссовский отдавал приказ: «Взять город!» И я написал об этом статью.

Хочется сказать относительно темы зверств нашей армии в Германии, которую ныне некоторые активно муссируют. Могу сказать за себя — я лично их не совершал, не совершал и мой взвод. Случалось, наверное, кое-что, но тут я готов заступиться за Красную Армию — массовым это не было.

**В.Л. Соскин, главный научный сотрудник
Института истории СО РАН,
д.и.н., профессор НГУ**

Гвардии сержант в 16 лет

До сих пор у меня сохранились самые хорошие воспоминания о людях, с которыми служил и работал. В радиороте и на многих узлах связи было много женщин. Ко мне, подростку, они относились особенно тепло. Небольшая разница в возрасте с ребятами из приланного пополнения компенсировалась моей квалификацией, и мы были на равных. Отношение старших характеризует такой эпизод. Мне, как и всем курсантам в радиошколе, полагалась месячная норма махорки. Чтобы я не начал курить, сержант отобрал у меня махорку, хотя сам он не курил, и никакой корысти у него не было. Вообще, вне службы товарищеские уважительные взаимоотношения были нормой. Серьёзные нарушения дисциплины тоже случались редко. Одно из таких нарушений, связанное с празднованием годовщины Октябрьской революции в 1944 году, могло мне дорого обойтись. Спасло то, что я заблаговременно поставил подальше автомат, а нож был закреплён в ножнах и не вытаскился сразу. Один из участников празднования был отправлен в штрафной батальон. Армия есть армия, и многие страницы «Похождений бравого солдата Швейка» я хорошо понимаю.

Последние месяцы своей военной службы я был уже гвардии сержантом и стрелком-радистом на самолёте СИ-47 («Дуглас»). На нём летала группа старших офицеров, инспектировавших части АДД, которые дислоцировались тогда на аэродромах различных польских городов: Белостока, Варшавы, Жешува, Кракова. Вид с воздуха разрушенной Варшавы до сих пор перед глазами. Однажды встретили группу возвращавшихся с бомбёжки «Юнкерсов». Офицеры встали к легким пулемётам, которыми был вооружен наш транспортный самолет, но «Юнкерсы» атаковать нас не стали. В случае боя мы были бы просто хорошей мишенью.

День Победы 9 мая 1945 года я встретил в Польше, в Белостоке, причём в расположении своей родной роты, которая, как оказалось, недавно туда перебазировалась. Остался ночевать в казарме. Все уже крепко спали, когда вдруг раздался крик, стрельба: по радио передали сообщение о капитуляции Германии. Мы выскочили на улицу и тоже стали кричать «Ура!» и стрелять из всего, что у кого было. Оглушительная пальба поднялась на аэродроме, где в ход пошли скорострельные авиационные пушки и пулемёты. Потом выяснилось, что мы страшно перепугали местных жителей: капитуляция была подписана 8 мая, и западное радио об этом уже давно сообщило.

Много ярких впечатлений оставил мой последний полёт в качестве борт-радиста. В 1945 году полёт по маршруту «Москва — Комсомольск-на-Амуре — Владивосток» был непростым делом. От экипажа потребовались выдержка и квалификация. На борту по-прежнему была лётная инспекция, но теперь она летела не на запад, а на восток: проверять боевую готовность частей авиации дальнего действия, перебазировавшихся на дальневосточные аэродромы. Война с Германией была окончена, но ожидалась война с Японией. На восток непрерывным потоком шли эшелоны с войсками и техникой. Перелёт от

Москвы до Комсомольска на Амуре занял у нас трое суток с посадками на ночь в Свердловске, Чите и Хабаровске. По дороге «туда» всё было нормально. Серьёзные неприятности случились при возвращении из Владивостока в Москву. Над Амуром попали в сильную грозу. Снизились, насколько могли. Справа — сопки, слева — граница и возможные зенитки, внизу — вода, вверх — гроза. Видимость нулевая. Что впереди — неясно. Связи нет, радию пришлось выключить из-за разрядов: искра проскакивала даже при выключенном рубильнике. К тому же сильно болтало. Но наш командир капитан Васильев был настоящим асом, и всё кончилось благополучно.

Кроме полёта в грозу над Амуром запомнилось ещё, как я минут 15 сидел за штурвалом. Самолёт шёл на автопилоте, и надо было только выравнивать по облакам крен. Делал я это, конечно, неумело, и то одно крыло шло вниз, то другое. Офицеры в фюзеляже должны были всё время держаться за ремни, и меня быстро вернули к рации. Но почувствовать себя пилотом было очень приятно.

Ещё одно яркое воспоминание. Мы подлетали к Москве в ясный, солнечный день. Шли на высоте 3—4 километра. И вначале увидели огромную грязно-жёлто-зелёную шапку дыма. Только потом начали проступать здания столицы. Во время войны было не до экологии.

Огремевшем на всю страну городе Комсомольске-на-Амуре остались грустные воспоминания. Посёлок Дзёмги, где был аэродром, с хорошими домами и парком, от города отделял большой пустырь. Пока инспекция работала, наш экипаж отдыхал. Мы отправились посмотреть знаменитый город. Пройдя пустырь, долго шли между бараками, недоумевая, куда же он делся. Наконец, увидели солидное здание. Решили, что назвали город, а здание — театр, почему-то построенный на окраине. Но оказалось, что мы в центре, а солидное здание — баня. Город состоял в основном из барakov.

В действующей армии к концу войны редко у кого (особенно в авиации) на гимнастёрке или кителе не было медалей или орденов. Если их было много, то говорили «целый иконостас». Такой иконостас украшал грудь нашего командира. Даже у меня имелись две медали: «За боевые заслуги» и «За победу над Германией». Когда экипаж шёл по улице, то на нас смотрели с большим уважением: у служивших на Востоке наград не было.

В августе 1945 года меня демобилизовали. Когда я, как положено, пришёл в военкомат с красноармейской книжкой, чтобы встать на учёт, то военком долго не мог решить, что со мной делать: с одной стороны — гвардии сержант, а с другой — 16 лет, допризывник. Наконец, он отдал мне книжку и сказал: «Иди». Я так и держал её вместе с другими документами дома. Из-за этого по окончании университета пострадал в звании: всех, кто служил в армии, сделали лейтенантами, а тех, кто не служил, и меня — младшими лейтенантами.

**Л.Я. Савельев, старший научный сотрудник
Института математики им. С.Л. Соболева
СО РАН, к.ф.-м.н., профессор НГУ**

ВАХТА ПАМЯТИ

Как мы ковали Победу

Александр Михайлович Чуркин, старший научный сотрудник Института систематики и экологии животных СО РАН, кандидат экономических наук, в годы войны вместе с многими своими сверстниками-подростками трудился в заводских цехах.

Шел грозный 1943 год. Фронт всё больше требовал боеприпасов. Нарращивали производство эвакуированные с запада оборонные заводы. Катастрофически не хватало рабочих, особенно квалифицированных. В сельских районах шла мобилизация молодежи, не достигшей призывного возраста. Мобилизовывали как мальчишек, так и девочек.

Молодежь набирали для обучения в школах ФЗО (фабрично-заводское обучение), которые открывались при военных заводах. В список мобилизованных попал и я.

Наступило время отправки очередной партии молодежи. Возраст у всех был примерно одинаковый — 13–14 лет. Добирались мы до места назначения на станции Заводская (так она называлась в то время, а ныне — Пашино), от станции до школы ФЗО № 16 шли пешком в сопровождении встретившего нас мастера. Дисциплина была установлена очень строгая. Кроме мастера, коменданта и других служб в штат был введен военный руководитель, который с пристрастием старался приучать нас к военному делу, строевой и военной подготовке. Учебой мы занимались непосредственно на практической работе в цехах весь световой день, а вечером в классах школы нам преподавали теорию по металлообработке, приемы заточки режущих инструментов и прочие науки.

Я попал в группу токарей в ремонтно-технический цех № 10. Кроме ребят, приехавших в школу из районов нашей области, были детдомовцы, эвакуированные из Ленинграда. Хорошо помню паренька Сережу Лебедева, все его звали «Ленинград». Добрый, талантливый и отзывчивый парень. Мы очень часто обращались к нему за советами по токарным вопросам. Он, не считаясь со своим рабочим временем, помогал не только советом, но и практически действиями.

Цех, в котором пришлось мне учиться токарному мастерству, располагался недалеко от проходной, рядом с ним — заводская кузница, где под механическим молотом штамповали разные заготовки. Цех, как и все остальные, был построен из деревянных заборов в кирпичные столбы на кирпичном фундаменте. По всей длине цеха смонтированы были токарные, фрезерные и строгальные станки. Под потолком вместо электрокабеля — медные пластины (шины). Отопительные радиаторы были установлены, но тепло не подавалось. Зимой температура была на 2—5 градусов выше, чем на улице. В декабрьские-январские морозы разрешили поставить на весь цех две железные печи. Понятно, что тепла от них в помещении не было, но зато руки да живот погреть было можно.

Территория завода была огорожена деревянным дощатым забором, поверх которого в три ряда шла колючая проволока. Охраняли завод солдаты, в большинстве женщины. Территория завода была разграничена на зоны, в каждой из которых выпускалась своя продукция, в основном боеприпасы.

Каждый день мы ходили на завод через проходную по пропускам. Нас всех в обязательном порядке обыскивали. Особенно строго наказывали, если обнаруживали

огнеопасные вещи, например, спички. Меня прикрепили к токарю-женщине. Она была обязана научить меня токарному ремеслу.

Практическая учеба проходила в цехе, в основном в первой половине дня. После обеда — теоретические учения, которые проходили в Красном уголке школы. С нами проводили политинформации, сообщали фронтовые сводки. Были организованы спортивные секции, преимущественно по лыжной ходьбе и военному делу, где изучали устройство винтовки, автомата, ручных гранат, противогАЗа.

Обучался я на станке марки «Удмурт». Это небольшой универсальный станок. Преподаватель натаскивала меня читать чертежи. Бывало, мастер цеха еще до начала смены разнесет по рабочим местам наряды, а к ним прилагаются чертежи с указанием деталей. Вот и разбирайся в размерах, марках стали, из чего надо точить.

...Шло время. Спецовки наши изрядно замаслились. Смены никакой не было. В ней ходили на завод и в ней же в столовую. В баню нас водили, но очень редко.

Приготовили нам однажды баню. Само помещение — большое, с высоким потолком. Вся наша группа из пятидесяти человек вмещалась за один заход. Натопить его было очень трудно, особенно в морозные дни. При открытии крана горячей воды пар заполнял все помещение. Рядом с баней была устроена прожарка вещей от насекомых.

Пришли мы в баню, разделись, только мало-помалу согрелись, как послышались крики: «Пожар! Горим!» Горела прожарка. Кочегар, видимо, перестарался, от высокой температуры одежда и вспыхнула... Но баня начала быстро остывать. Назавтра нам выдали новое белье, спецовки и фуфайки.

Отопление в школе было печное — три печи на всю длину барака. Наша верхотура была постоянно холодной. Стены покрывали иней. Вечерами мы ютились у топившихся печей. Кое-кто в жестяных банках варил картошку или какие-нибудь очистки. Делились между собой по-братски. Постоянно хотелось есть. Еду варили обычно без мяса. Заправляли только какими-то жирами. В меню школьной столовой входили щи, картофель, пареные корнеплоды, овсяная каша. Хлеба давали на день 600 граммов. Чай или кофе — почти без сахара.

...Я неоднократно отпрашивался у руководства школы, чтобы съездить к родным в село Нижний Коён — подкормиться, может, чего из продуктов попросить. Тетя с большой радостью встречала меня. Дядя Поликарп отбывал десятилетний срок — за расхищение семян. Работая председателем колхоза, во время весеннего сева, зная, что люди пухнут от голода, он разрешил взять немного семенной пшеницы, чтобы растолочь ее и сварить похлебку. Нашлись люди, которые сообщили об этом органам НКВД. Дядю Поликарпа арестовали той же ночью. Впоследствии он умер в ГУЛАГе. Тетя Нюра делала запрос о причине смерти, ей ответили: «Его укусила сонная муха».

Тетя обычно откармливала меня в течение трех дней. Варила картошку, пекла draniki на каком-то жире. Она держала корову — было и молоко. На дорогу давала мне целую булку черного хлеба, испеченного из ржаной муки наполовину с тертой картошкой, да два кружка мороженого молока. Я этому подарку был очень рад, мечтая по прибытии в школу угостить всех ребят.

Рядом с нашей школой ФЗО параллельно стоял таких же размеров барак. В нем располагалась неполная средняя школа. Однажды директор этой школы побывала у нашего руководства с предложением принять учащихся, желающих продолжить свое образование. Принимали только тех, у кого имелось образование выше пяти классов. Воспитатели подготовили список. В него вошли немногие: у большинства было 4 класса.

В школу ходило нас человек десять, в послеобеденное время. В 7-й класс попали всего три человека. К концу выпуска из школы ФЗО выдали нам и справки из общеобразовательной школы об ее окончании. Я закончил семь классов, очень радовался: открывалась перспектива поступить в школу летчиков, о чём я постоянно мечтал.

А потом пришло время сдачи экзаменов в ФЗО. Мы переживали. Мне присвоили профессию токаря-универсала 4 разряда.

Направили меня в ремонтно-механический цех № 10 завода № 386. Здесь над нами уже не было такого надзора, как в школе ФЗО. Мы добросовестно работали в своих сменах, выполняя и перевыполняя нормы выработки. На величину зарплаты особого внимания не обращали: на полученные деньги в магазине нечего было купить — всё выдавалось по карточкам. Горе было тому, кто терял эти карточки или у него их крали.

Мы организовали своего рода коммуны по 4—6 человек, получали продукты и готовили обеды сообща. Многие подростки от тяжелой работы, одежды не по сезону и систематического голода тяжело заболели. А болезнь часто приводила к туберкулезу. Были и случаи смерти.

Как только поспевала картошка, я быстро поправлялся, и ребята мне завидовали. Аппетит у меня был отменный: я ел всё, что можно было разжевать. Хлебные кирпичи в то время выпекали весом в два килограмма, я мог съесть такой в один присест. Помню, как однажды, получив по карточке два килограмма сахара, я съел его за пять дней.

Продукты для своей коммуны мы добывали по-разному. С завода приносили хлопковое масло, которое нам выдавали для приготовления эмульсии при выточке наиболее ответственных деталей. На этом масле жарили картошку. Часто ездили в Новосибирск на Центральный рынок (в то время его называли «Ипподромским базаром»), где продавали свои изделия — замки, зажигалки, наборные ручки к ножам и ложкам.

На базаре можно было легко попасть в облавы, которые проводились для того, чтобы задержать мужчин, скрывающихся от армии, и вообще разных «элементов», ведущих паразитический образ жизни.

Облавы проводились внезапно. Привозят вооруженных солдат и оцепляют всю территорию базара. Подается команда: «Всем мужчинам — на выход через пропускные ворота». На месте пропуска — тщательный контроль. Всех, оказавшихся без документов, уводили в помещения-накопители. Там долго не разбирались, сажали в машины и увозили для формирования воинской части, а дальше — прямо на фронт. Нас из-за малолетнего возраста просто выпроваживали.

При выпуске из школы нам повторно выдали обувь и спецодежду. Она состояла из нижнего белья, хлопчатобумажных брюк и гимнастерки черного цвета, кирзовых ботинок на деревянной подошве. По нам сразу можно было понять, что мы фээзошники. Так нас звали. Расселили нас по разным баракам. Мама мне прислала хорошее демисезонное пальто и брюки, полученные из военкомата, — гуманитарная помощь из Америки. Я раза два надел его, но ребята надо мной смеялись. Выглядел, очевидно, чужаком. Пальто это я вскоре продал.

Дни и ночи не спомал гул заводских цехов. Когда не хватало рабочих рук, смены длились по 14—16 часов. Часто работали, сутками не выходя из цехов. Наш цех в основном выполнял заказы своих заводских цехов, но были заказы и от сельского хозяйства области. Особенно много изготавливалось деталей к тракторам, комбайнам. Большими партиями отправляли в МТС шестерни к коробкам передач, клапанные штанги, растачивали коленчатые валы и многое другое.

Постоянное недоедание, изнурительная, непосильная работа подтачивали здоровье. От всего этого порой притуплялось сознание и совершались неосмысленные поступки. Особенно это касалось пренебрежения к требованиям техники безопасности.

Однажды я положил на плечо прут длиной в пять метров и занес в цех. Дойдя до своего станка, стал разворачиваться, чтобы заложить его в патрон станка. Очнулся от удара током. Обошлось без травмы, но мне был вынесен выговор. Второй трагический случай чуть не оставил меня без руки.

Наши девочки в основном работали в цехах, где производились взрывоопасные изделия, требующие ювелирной точности. Были случаи, когда при взрывах они гибли. В цехах, где припасы начинались тротилом,

кожа приобретала желтый цвет. Никто не исследовал, как это отражалось на будущих матерях. Рабочие военного завода постоянно рисковали своей жизнью, порой не менее, чем на фронте.

...Еще воевую похлахала война. Но с каждым днем чувствовалось ее окончание. На большой карте, висевшей у проходной, менялась кривая линий фронта. Все новые освобождаемые города и крупные населенные пункты отмечались флажками. Каждое утро мы подолгу стояли у карты и обменивались информацией о ходе войны: рассказывали о пришедших похоронках, прибывших с фронта раненых, о новостях, присланных в солдатских треугольниках.

От многих житейских переживаний и голодовок организм, хоть и молодой, к весне истощался, человек начинал постепенно пухнуть. Появлялась слабость и какое-то безразличие ко всему окружающему. Пропадал аппетит. Появились вши, масса вшей, их почему-то называли «бельевыми». Как-то раз я поехал в город, зашел в трамвай, а от меня стали шарахаться люди. А какой-то толсто-мордый мужик прямо заорал: «Смотрите! Смотрите! На нем вши!» Спасибо одной бабушке (так мне показалось, а может, это была пожилая женщина, изможденная сильным горем), она отвела меня в сторону и спросила: «Откуда ты, сыночек?» Мы вышли на следующей остановке, и она стала заботливо снимать с моей одежды насекомых. А потом перекрестила меня и тепло как-то сказала, чтобы я ехал на свой завод.

Первый раз в своей жизни я встречал Новый год в заводском клубе. Украшенная гирляндами разноцветных электролампочек и недорогими игрушками, во всей красе посреди зала стояла красавица-ёлка (вернее, сосёнка). На торжество пришло много молодых рабочих. Духовой оркестр играл вальсы. Яркими лучами прожекторов освещался зал. На сцену вышли артисты из самодеятельного заводского ансамбля и под аккомпанемент баянов начали петь разные патристические песни. Люди пели, танцевали в предчувствии грядущей победы. Мы все ощущали её приближение. Ожидали и с троекратной отдачей сил выполняли заказы фронта.

Это произошло ранним утром. Мы еще спали. Вдруг послышался какой-то грохот и шум. По всему общежитию бегали люди, восторженно что-то кричали, обнимались. Многие плакали. Сначала все это было непонятно, но когда я услышал: «Победа! Пришла победа!», я вскочил, и в общий хор влились и мои крики: «Победа! Мы победили!» Радости не было предела. Этот восторженный, эмоциональный гвалт вывалился на улицу.

Безо всякого объявления и призывов люди шли к заводским воротам. Начался митинг. Выступающих с приветствиями и поздравлениями было очень много. Кто-то выкрикнул: «Айда на общий митинг!», который уже собрался на территории привокзальной площади у соседнего завода. Утро и весь день были солнечными и теплыми. Мы шли колонной со знаменами и песнями. Вначале был митинг, потом откуда-то привезли артистов и духовой оркестр. Почти весь день были торжества. А вечером — артиллерийский салют и фейерверк разорвали небо.

...Только через 60 лет я смог побывать на родном заводе № 386 (ныне механический завод «Искра»). Долго я рассматривал экспонаты музея трудовой славы. Я как будто побывал в своем прошлом. В музее хранятся бесценные реликвии — одежда фээзошников, праздничные платья женщин, сшитые из оборточного материала, обувь молодых рабочих, награды и фотографии ветеранов и заводских участников Великой Отечественной войны. Особую ценность представляют записанные воспоминания ветеранов: о быте, работе, досуге в годы лихолетья войны.

В предисловии к воспоминаниям ветеранов оборонного завода № 386 («Искра») сказано: «Каждому поколению выпадает своя часть огромной работы по строительству нового общества. Жизненно важное значение приобретает задача передачи молодежи опыта и идейной убежденности ветеранов, накопивших уникальный опыт, и мы не вправе утратить ни одной его ценной крупицы».

БАХТА ПАМЯТИ

АКТУАЛЬНО

От военных до мирных побед

Сразу оговорюсь, что свой вклад в победу д.ф.-м.н., профессор Вилен Моисеевич Мишин считает очень скромным. «Был призван в армию с 1-го курса Иркутского госуниверситета. Служил в роте связи БАО — батальона аэродромного обслуживания с 16 января 1943 г. по декабрь 1945 г. Сначала в учебной роте, затем нас перебросили в Монголию, в степь. Были обычные военные будни. Немножко хватил войны, а подвигам никаких не совершал. Мне повезло с комбатом — разрешил учиться, и полтора курса университета я закончил заочно. Сидел за приемниками, обеспечивал непрерывную радиосвязь и находил время заниматься».

— И вы хотите сказать, что в военных действиях ваш батальон не участвовал и вы не обеспечивали в нужный момент авиацию необходимой связью, информацией?

— Конечно, всё было. Под обстрел серьёзные попадали — на пути из Монголии в Маньчжурию. Был радистом роты связи. Первым в своем полку принял информацию об объявлении войны 3 сентября 1945 г. и сигнал воздушной тревоги. Но только потому, что в этот день дежурил. Ничего героического, просто вместе с моим поколением «ковал великую победу». Из наград имею медаль «За победу над Японией», орден Отечественной войны и юбилейные медали.

— Тогда расскажите о победах мирных. Институт солнечно-земной физики СО РАН в июне отмечает 50-летие. Вы стояли у истоков его создания, являетесь старейшим хранителем истории ИСЗФ.

— Закончил университет в июле 1949 года. В это время профессор ИГУ, замечательный человек и талантливый ученый, радиофизик-любитель № 1 в Иркутске Валерий Михайлович Поляков начал формировать команду выпускников ИГУ для исследований физики ионосферы и распространения радиоволн. Мы с ним были знакомы — он рецензировал мою дипломную работу, и в волейбол мы оба играли — за университет, за город. Валерию Михайловичу было поручено создать ионосферную станцию в составе Иркутской НИГО Гидрометеослужбы, в лесном массиве вблизи села Зуй, в 30 км от Иркутска, где с 1914 г. работала магнитная обсерватория НИГО. Ионосферная станция и станция регистрации космических лучей должны были дополнить комплекс геомагнитных измерений. Поляков пригласил в свою команду и меня.

Магнитная обсерватория Зуй — одна из 20-ти первых, созданных на Земле в середине XIX века по инициативе Гаусса. Её сотрудники обеспечивали непрерывную регистрацию колебаний геомагнитного поля и по совместительству, пережив две мировые войны, успешно занимались охотой, рыбалкой и сельским хозяйством. Обсерватория была известна, в частности, тем, что её приборы (и только они) регистрировали геомагнитный эффект Тунгусского метеорита. Когда команда поляковцев пришла в магнитную обсерваторию, здесь задул свежий ветер. В 1957 году в мире проводился Международный Геофизический Год. Советское правительство активно откликнулось на предложение участвовать в его программе. Была выполнена огромная работа, которую организовал и возглавлял академик Бардин. Программа МГГ создала мощный стимул развития планетарной геофизики в мире и в СССР. Это определяющим образом сказало и на судьбе моих коллег в Зуе, и на моей судьбе. В СССР была создана сеть Комплексных магнито-ионосферных станций, одна из них — Иркутская КМИС — послужила базой, на которой в начале 60-х был создан Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн

— СибИЗМИР СО АН СССР, переименованный позднее в Институт солнечно-земной физики СО РАН. В этих учреждениях, начиная с КМИС, работал и работаю я с 1949 года. Первым из штата КМИС защитил кандидатскую диссертацию в 1959 году и докторскую — в 1970-м.

В СибИЗМИРе был назначен сначала заведующим лабораторией земного магнетизма и физики магнитосферы Земли, а в 1963 — заместителем директора по науке. Курировал магнитосферное направление. К тому времени в СибИЗМИРе наряду с магнитосферным и ионосферным геофизическими направлениями по инициативе Г.Я. Смолькова бурно развивались исследования физических процессов на Солнце. В этой связи в начале 70-х в институте начались и в 1973 г. году достигли кульминации события, получившие название «культурная революция». Были созданы 8 (!) внеочередных аттестационных комиссий — на предмет «проверки», главным образом представителей геофизических направлений. Геофизики ходили «под коллапом». Был уволен заместитель директора по ионосфере В.Д. Кокоуров. Я получил тяжёлый инфаркт и предложение уйти из дирекции добровольно, но отказался. Приказ о моём увольнении был подписан, но не вступил в силу, т.к. я был в отпуске.

«Революцию» остановили президент АН и секретарь Отделения физики и астрофизики академики М.В. Келдыш и Л.А. Арцимович. После моего обращения к ним было созвано внеочередное заседание Отделения АН. Директор института был вызван на заседание вместе со мной и получил строгое предупреждение. Обстановка нормализовалась, геофизические направления сохранились, В.Д. Кокоурова вернули на прежнюю должность. Я ушел с поста зама с созданием выполненного гражданского долга и долга учёного перед своей наукой и коллегами, что было и остаётся очень важным для меня. Через несколько лет после описанных событий началась новая фаза развития института, связанная в значительной мере с приходом нового директора Г.А. Жеребцова.

Сегодня, когда наш институт отмечает 50-летие, оглядываясь назад и понимаю — нам есть чем гордиться. И тем более задают «мелочи». Например, почему в формирующейся программе юбилейной сессии так мало фамилий моих коллег-иркутян и гораздо больше высоких, но далеких гостей?

— У вас много учеников?

— Шестнадцать бывших моих аспирантов стали кандидатами наук, четверо — докторами. Они работали или работают сейчас в Иркутске, Новосибирске, Якутске, Улан-Удэ, Улан-Баторе и Хайфе. Мы издали 5 монографий и более 300 статей и обзоров в российских и международных изданиях. В своей сравнительно малоизвестной области наук мы выдвинули и разработали ряд новых идей, ввели новые парадигмы. Из наших находок часть признана в мировой литературе, другие ждут своего часа.

— А какие из ваших находок уже признаны, приняты научным сообществом? Что это даст науке, найдет ли применение на практике?

— После защиты моей докторской диссертации совместно с А.Д. Базаржаповым и Г.Б. Шпынёвым мы создали комплекс методов, получивший название «техника инверсии магнитограмм». Эта ТИМ обеспечивает расчёт источников т.н. «геомагнитных вариаций» — колебаний глобальных электрических полей и токов в ионосфере и магнитосфере Земли. Эпизодические изменения названных источников — магнитосферные (магнитные) бури — возмущают «космическую погоду», выделяя мощности, на порядок превышающие мощность мировой промышленной энергосистемы. ТИМ обеспечивает регистрацию комплекса ключевых параметров космической погоды, используя как вход синтезированные математически измерения на мировой сети магнитных обсерваторий и модель электропроводности ионосферы.

Наша ТИМ была фактически скопирована за рубежом и получила широкое распространение. В настоящее время модернизированный вариант ТИМ-2 вместе с созданными позднее его зарубежными аналогами KRM и AMIE входят в число немногих основных средств мировой физики магнитосферы Земли.

ТИМ была создана в середине 70-х. Мы используем результаты ТИМ как дополнение базы данных искусственных спутников Земли, необходимое при изучении процессов глобального масштаба. Спутник измеряет

параметры среды в своей малой окрестности, и только ТИМ способна обеспечить вычисление в заданный момент названных выше глобальных полей и токов.

Совместное использование измерений на спутниках и наземных, включая ТИМ, помогает понять процессы, происходящие в космическом пространстве. Там летают спутники, которые, в частности, обеспечивают работу наших сотовых телефонов, важны для обороны и для многого другого. Знание условий, в которых они работают, космической погоды, на них влияющей, просто необходимо. А основные явления, воздействующие на изменения космической погоды — это суббури и бури, которые мы как раз и изучаем.

Одним из первых основных результатов применения ТИМ стал «сценарий глобальной магнитосферной суббури с двумя активными фазами». Суббуря — основной элемент, цепочка которых (и ряд дополнений) создаёт магнитосферную бурю. В классической концепции суббуря состоит из трех фаз — подготовительной, активной взрывной и фазы релаксации. Мы показали дополнительно, что существует также вторая активная фаза типичной суббури, физика которой существенно отличается от физики классической активной фазы. Сценарий поддержали ряд крупных специалистов Германии, США, Швеции. На его основе был предложен также сценарий солнечных вспышек с двумя аналогичными активными фазами. Этот сценарий поддержали в институте солнечники — доктора наук В.Г. Банин, В.М. Григорьев, А.М. Уралов, профессор МГУ Б.В. Сомов. Соавтором наших публикаций об аналогии суббурь и солнечных вспышек был руководитель Альфеновской лаборатории в Стокгольме академик К.-Г. Фальтхаммер. Возникли зримые ростки нового направления, на стыке физики геомагнитосферы и физики солнечных вспышек. Работы в этом направлении развивались у нас более 15 лет благодаря уникальным условиям сосуществования в рамках одного института геофизиков и солнечников. К сожалению, новое направление не выжило в годы перестройки. Остаётся надеяться, что оно возродится.

Из других основных результатов отмечу серию последних, опубликованных в России и за рубежом в 2008—2010 годах. Резюме излагается в статье «Модель токового клина суббури: мифы и реальность», которую я надеюсь представить в конце июня на всероссийской конференции в Иркутске, посвящённой 50-летию нашего института. Другие результаты названной серии опубликованы или представлены в «Докладах АН», ряде международных журналов. Часть из них получена в соавторстве с группой проф. З. Пу из Пекинского университета, с которой у нас установилось тесное сотрудничество в последние пять лет.

Классическая «модель токового клина» была создана как одна из аксиом, на которых строится современная физика магнитосферных возмущений. Наши данные ТИМ с учётом накопленного комплекса данных спутников эту аксиому скорректировали до трудной узнаваемости.

Не менее, чем научными результатами, я горжусь моей семьёй: женой, сыновьями, внуками и правнуками. Моя жена была студенткой 2-го курса физмата Иркутского университета, когда я демобилизовался и вернулся в ИГУ. Мы учились в одной группе и с тех пор вместе, с 1946 года. Это была моя главная победа в жизни. Вместе работали в Зуе и в СибИЗМИРе. У нас два сына, оба физики, доктора наук. Один работает в нашем институте и преподаёт в Институте железнодорожного транспорта, другой — в США.

Ко всему сказанному остается только добавить несколько фраз из официальной характеристики: «Профессор В.М. Мишин — участник ряда международных геофизических проектов, лауреат более 20 конкурсов РФФИ, Шведской АН, Немецкого Научно-исследовательского общества, Национальной АН США, Международного Фонда Сороса, ИНТАС и др., член Международной ассоциации геомагнетизма и аэрономии, Американского Геофизического Союза, награждён медалями этих организаций. Научные идеи и гипотезы В.М. Мишина находят признание мировой научной общественности, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на его работы. Своей многолетней, плодотворной научной деятельностью ученый внес значительный вклад в развитие российской науки».

Г. Киселева, г. Иркутск
На снимке В. Короткоручо:
— д.ф.-м.н. В.М. Мишин

Заседание госкомиссии

Тридцатого апреля в Комсомольске-на-Амуре состоялось заседание Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области.

Важнейшим из пяти пунктов повестки дня явилось, безусловно, рассмотрение проекта плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития восточного региона на период до 2025 года. Вниманию членов Государственной комиссии был представлен перечень мероприятий из 60 пунктов. В своем выступлении председатель СО РАН академик А.Л. Асеев отметил, что учреждения Российской академии наук участвуют только в двух из них: государственной поддержке деятельности образовательных и научных учреждений Дальнего Востока и Байкальского региона в области обмена преподавателями и студентами и в определении ключевых факторов риска природного и антропогенного характера.

Во же время Сибирское и Дальневосточное отделения РАН вносят большой вклад в обеспечение мероприятий по следующим направлениям:

- реализация мероприятий по созданию условий, стимулирующих развитие и внедрение инноваций;
- разработка прогноза сводного топливно-энергетического баланса;
- реализация стратегии развития электроэнергетики;
- стимулирование модернизации коммунальной инфраструктуры.

Особенно велика роль СО РАН в разработке Федеральной целевой программы, регулирующей вопросы охраны озера Байкал и развития Байкальской природной территории.

К слову, непосредственно перед заседанием Государственной комиссии 28 апреля состоялось совещание по ЦП «Байкал» с участием председателей Иркутского и Бурятского научных центров СО РАН в Министерстве природных ресурсов РФ под председательством министра Ю.П. Трутнева. Исходя из этого, Председатель СО РАН предложил определить СО и ДВО РАН ответственными исполнителями плана мероприятий и внести соответствующее добавление в документ. Эти предложения получили одобрение Председателя Государственной комиссии вице-премьера Правительства РФ И.И. Шувалова.

Оживленная дискуссия произошла по вопросу повестки дня заседания Государственной комиссии «О результатах перевода ряда субъектов РФ в новые часовые пояса и направлениях дальнейшей работы по оптимизации часовых поясов в части регионов Дальнего Востока». И.И. Шувалов указал на необходимость приближения часового пояса Приморья и Хабаровского края к часовому поясу ближайших соседей — Китая, Кореи и Японии (в настоящее время разница во времени между ними составляет два часа), а также на необходимость уменьшения разницы между поясным временем Москвы и регионов Дальнего Востока (для Приморья и Хабаровского края эта разница составляет сейчас семь часов). Отметим, что работа уже началась, и в этом году Чукотка и Камчатка уменьшили разницу во времени с Москвой на один час (сейчас разница во времени для них по сравнению с Москвой составляет восемь часов). Указанные предложения встретили неоднозначную реакцию руководителей краев и областей Дальнего Востока. В частности, указывалось на необходимость всестороннего изучения медико-биологических, социальных, экономических, производственных и геополитических последствий предлагаемых решений. Большинство губернаторов при этом высказались за отмену перехода с летнего на зимнее время. Основной докладчик по этому вопросу — глава Ростехрегулирования Г.И. Элькин и председательствующий И.И. Шувалов в своих выступлениях особо отметили необходимость привлечения организаций Российской академии наук, в том числе Дальневосточного и Сибирского отделений РАН, для выработки рекомендаций Правительству и Президенту РФ.

Соб. инф.

РЕГИОН

Перспективы развития Забайкалья

Сибирское отделение РАН активно включилось в решение проблем социально-экономического развития нового субъекта федерации — Забайкальского края, о чём свидетельствует ряд мероприятий, проведённых в 2009 году: апрель — приезд в г. Читу делегации под руководством заместителя председателя СО РАН ак. М. И. Эпова для обсуждения инновационных проектов институтов СО РАН, направленных на решение проблем края; август — совместные заседания представителей институтов-разработчиков инновационных проектов и министерств Забайкальского края; ноябрь — выездное заседание Президиума СО РАН под руководством председателя СО РАН ак. А. Л. Асеева, в результате которого было подписано соглашение между правительством края и Сибирским отделением.

В марте была проведена итоговая конференция «Ученые Сибири — Забайкалью». На новый виток вышли и отношения соседствующих субъектов Федерации. Так, в этом же году Забайкальский край посетила делегация правительства Республики Бурятия во главе с президентом В. В. Наговицыным, подписавшая соглашение о взаимных действиях по социально-экономическому развитию обоих субъектов Российской Федерации. Республика Бурятия в ожидании ответного визита Правительства Забайкальского края.

В соответствии с принятыми решениями правительств указанных субъектов РФ и Сибирского отделения РАН 7—8 апреля по инициативе чл. -корр. РАН А. К. Тулохонова в г. Чите состоялось совместное заседание ученых советов Байкальского института природопользования СО РАН, Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Читинского государственного университета с приглашением министра экономического развития Б. Г. Галсанова, представителей других министерств и вузов Забайкальского края. Одним из ключевых моментов, рассмотренных на данном заседании, стало обоснование перспектив развития периферийных территорий Азиатской России. Значительный инвестиционный потенциал Забайкальского края и Республики Бурятия, выгодное трансграничное положение, накопленный опыт по установлению международных экономических и культурных связей, с одной стороны, и ограниченный объем внешних инвестиций на нынешнем этапе экономического

реформирования, с другой, определяют насущную необходимость в объединении усилий данных субъектов РФ в части активизации межрегионального взаимодействия. Бурятия и Забайкальский край являются восточным форпостом Сибири, и от того, как будут развиваться данные территории, зависит будущее Сибири и России в целом.

В своём докладе чл. -корр. РАН А. К. Тулохонов подчеркнул, что будущее России, подъем её экономики и культуры во многом зависят от усиления роли «периферийных» регионов, к числу которых относятся и приграничные территории. Им также был дан сравнительный анализ и перспективы развития российско-китайского приграничья по следующим направлениям: природно-ресурсный потенциал, экономика, население и продолжительность жизни, экспортно-импортная структура. Одним из ключевых выводов прозвучало предложение о необходимости разработки межрегионального проекта по трансграничным проблемам в рамках формирующихся федеральных целевых программ.

В последние годы Забайкалье в многолетнем климатическом цикле проходит самый засушливый этап, в связи с чем обострились проблемы, обусловленные процессами опустынивания. Этой проблеме был посвящен ряд докладов. Директор ИПРЭК СО РАН, д.г.-м.н. А. Б. Птицын показал, что по сумме климатических параметров Забайкалье находится в худшем положении по сравнению с другими регионами России (Хабаровским краем, Новосибирской, Иркутской, Омской и другими областями). Результаты палеоклиматических исследований свидетельствуют об устойчивом росте среднегодовой температуры в последние десятилетия, что усиливает процессы опустынивания. Д.э.н. А. С. Михеевой (БИП СО РАН) представлена методология оценки социально-экономических последствий опустынивания, основанная на количественной оценке факторов данного процесса, определении прямых потерь продукции, расчете упущенной выгоды и затрат на компенсацию последствий данного процесса.

В развитии данной темы поднята проблема гидроэкологической безопасности Верхнеамурского региона, которой был посвящён доклад заведующего лабораторией

социальной и экономической географии ИПРЭК СО РАН к.г.н. А. П. Чечеля. В ряду первоочередных мероприятий по данному вопросу предложена разработка лимитов на безвозвратный забор воды из трансграничных водных объектов и сброса сточных вод; установка системы водоочистки на объектах хозяйственно-бытового водоснабжения; подготовка к эксплуатации резервных источников водоснабжения на основе месторождений подземных вод.

Комплексному исследованию трансграничных регионов посвятил свой доклад д.г.н. Б. Л. Раднаев (БИП СО РАН, БГУ). Им предложены методологические подходы и методы для раскрытия системных проблем трансграничных территорий Азиатской России, выявления стратегических направлений социально-экономического развития и «мягкого» вхождения в мировые экономические сети. Эту проблему также затронул в своем докладе к.г.н. В. Ф. Задорожный (ИПРЭК СО РАН), давший анализ социально-экономического развития муниципальных районов Забайкальского приграничья и проблем экономического сотрудничества с соседними странами. В докладе д.г.н. Б. О. Гомбоева (БИП СО РАН) обозначены мировые тенденции в развитии политики и принятия решений в области устойчивого развития. Показано интегрирование системы «окружающая среда — население — хозяйство» в измерениях устойчивого развития и раскрыто содержание политического цикла: оценка проблемы, параметры программы, выработка методики, принятие решений и реализация мероприятий. Выделены составные части политического процесса, включающие политическую поддержку, административные возможности и аналитические способности участников процесса.

В рамках программы состоялась встреча ученых Байкальского института природопользования СО РАН с руководством Читинского государственного университета во главе с ректором профессором Ю. Н. Резником, на которой обсуждались вопросы совместных мероприятий по фундаментальным и прикладным исследованиям развития Байкальской территории. В результате взаимных консультаций подписано соглашение о сотрудничестве по координации исследований, разработке совместных проектов и оказании поддержки в подготовке кадров.

Также проведен ряд встреч с преподавателями институтов, входящих в состав университета и прочтены лекции для студенческой аудитории. Так, д.г.н. Б. Л. Раднаев прочел лекцию «Современные проблемы экологической и социальной географии» на инженерно-экологическом факультете Института строительства и экологии; для студентов 4—5 курсов Горного института д.г.н. Б. О. Гомбоев прочёл лекцию «Полифункциональная иерархия территориальной организации природопользования в регионе». Д.э.н. А. С. Михеева встретила со студентами Института экономики и права, выступила на тему эколого-экономических проблем рационального природопользования.

Знакомство с институтами ЧитГУ произвело на гостей сильное впечатление высоким потенциалом научно-педагогического состава, материально-технической оснащённостью кафедр, наличием технопарка, колледжа как базовой основы для осуществления непрерывного образования.

Таким образом, проведенные встречи и взаимный обмен мнениями выявили ряд возможностей консолидированных действий научных, образовательных и управленческих структур для исследования трансграничных проблем, показали перспективы развития периферийных регионов Сибири в сравнении с ближайшими соседями — Китаем и Монголией. На этом пути уже сделаны некоторые шаги: проведена серия конференций, выполнены совместные проекты фундаментальных и прикладных исследований, опубликованы монографии, выявлены необходимые инновационные проекты. В конечном счете, все действия направлены на построение единого экономического и социального пространства, основанного на региональном и международном сотрудничестве, к чему неизбежно ведет процесс глобализации.

Будущее России, подъем её экономики и культуры во многом зависят от усиления роли «периферийных» регионов в этих процессах. К числу таких регионов относятся и приграничные территории, каковыми являются Забайкальский край и Республика Бурятия.

**С. С. Палицына, учёный секретарь БИП СО РАН
Г. Ц. Цыбекмитова, зам. директора по научной работе ИПРЭК СО РАН
И. Ю. Мальчикова, начальник управления научными исследованиями ЧитГУ**

О ходе реорганизации Кемеровского научного центра

Девятнадцатого апреля состоялось заседание Президиума Кемеровского научного центра, на которое был приглашен председатель Президиума Сибирского отделения РАН академик А. Л. Асеев. Повестка дня состояла из одного, но очень важного вопроса — «О ходе реорганизации Кемеровского научного центра СО РАН».

О текущей ситуации о работе, проделанной за последний год, доложила академик А. Э. Конторович.

В соответствии с соглашением о развитии Кемеровского научного центра СО РАН на 2009—2013 годы, подписанным на совместном заседании коллегии администрации Кемеровской области и Президиума СО РАН 03.02.2010 г., а также в соответствии с концепцией развития отделения, практически доведена до конца организационная работа по созданию Института угля и Института углехимии и химического материаловедения.

Проведены переговоры с администрацией Кемеровской области и получены принципиальные решения мэрии г. Кемерово о выделении территории под строительство кемеровского академгородка. Эта идея поддержана губернатором А. Г. Тулеевым, выделены деньги на проектирование. В настоящее время работа идет, и к июню будет готов проект.

Два института центра: Институт угля и углехимии СО РАН и Институт экологии человека СО РАН — переехали в новый корпус на пр. Ленинградский, 10. Ведется капитальный ремонт объектов КемНЦ СО РАН.

Для поддержки и стимулирования ученых обладминистрация приняла решение о льготных долгосрочных жилищных займах. Таким образом поддержаны 19 человек (16 квартир и 3 коттеджа. Сумма кредита 46 млн 560 тыс. руб.).

Дважды были проведены Губернские академические чтения, которые вызвали в Кемеровской области широкий резонанс. Проведены первые молодежные Усовские чтения.

В научном плане совместно с ИХТТМ СО РАН и его Кемеровским филиалом выполняются исследования по двум проектам ФЦП «Разработка, восстановление и организация производства стратегических, дефицитных и импортозамещающих материалов и малотоннажной химии для вооружения, военной и специальной техники на 2009—2011 гг. и на период до 2015 г.» (ответственный исполнитель — к.х.н. В. П. Бervено). Выделяемое государственное финансирование позволяет на базе продуктов глубокой переработки угля в течение 5-6 лет создать в Кемеровской области Республиканский центр производства углеродных наноструктурированных материалов нового поколения.

Недавно выигран еще один федеральный конкурс, который проводился под эгидой российской госкорпорации «Роснано». Это технология получения наноструктурированных углеродных молекулярных сит для разделения

газов (исполнитель — А. В. Бervено).

Серьезное государственное финансирование получил еще один проект, предложенный ИЭЧ СО РАН (директор — д.м.н. А. Н. Глушков). В рамках ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники на 2007—2012 гг.» разрабатываются вакцины против химических канцерогенов, образующихся при сжигании и переработке угля, для иммунопрофилактики профессиональных заболеваний у рабочих Кузбасса. К 2011 г. должны быть изготовлены опытные образцы вакцин для доклинических исследований на животных. После завершения клинических испытаний в Кемеровской области будет развернуто соответствующее производство.

В плане практической реализации в Кузбассе запущены три установки, которые работают на угольном метане (исполнители: ИУУ СО РАН, директор — д.т.н. В. П. Потапов, и АНО «Углеметан», директор — д.т.н. О. В. Тайлаков). Газ используется для получения электрической энергии, которая затем направляется в общую систему энергоснабжения шахты. Этот проект является частью крупномасштабной программы компании ОАО «СУЭК Кузбасс», в рамках которой предполагается получить до 40 МВт электроэнергии.

Наряду с результатами есть и проблемы, которые требуют безотлагательного решения:

— получение заказов от кузбасского бизнеса. Эта проблема будет решаться с использованием административного фактора, путем работы точечным способом по каждому конкретному проекту с привлечением бизнесменов;

— практически полностью в стране упущено угольное машиностроение. Для решения этой проблемы КемНЦ СО РАН совместно с Юргинским филиалом ТПУ планирует совещание в г. Юрге, где еще остались предприятия угольного машиностроения.

Академик А. Л. Асеев высоко оценил проделанную работу, подчеркнув, что выбранная стратегия развития Кемеровского научного центра верна.

24 апреля губернатор Кемеровской области А. Г. Тулеев направил председателю СО РАН ак. Асееву телеграмму с благодарностью за поздравления по случаю официального вступления в должность. «Высоко ценю ваше внимание и поддержку. Добрые слова ваших пожеланий — это огромный стимул для моей дальнейшей работы на благо Кузбасса», — пишет А. Г. Тулеев.

Наш корр.

Конкурс

Учреждение Российской академии наук Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука Сибирского отделения РАН объявляет конкурс на замещение вакантной должности главного научного сотрудника (доктор наук по специальности 07.00.02, 1 вакансия), научного сотрудника (без ученой степени, 1 вакансия) и младшего научного сотрудника (без ученой степени, 1 вакансия) в лабораторию электромагнитных полей. Срок конкурса — 2 месяца со дня публикации. Документы направлять по адресу: 630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Коптюга, 3. Справки по телефону: 333-08-58 (отдел кадров). Объявление о конкурсе и перечень необходимых документов размещены на сайте института <http://www.ipgg.nsc.ru>.

Учреждение Российской академии наук Институт ядерной физики им. Г. И. Будкера Сибирского отделения РАН объявляет конкурс на замещение вакантной должности: младшего научного сотрудника по специальности 01.04.08 «Физика плазмы». Дата проведения конкурса — 5 июля 2010 г. Документы (с пометкой «на конкурс») направлять в адрес отдела кадров ИЯФ СО РАН: 630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 11. Справки по тел.: 329-47-88. Информация о конкурсе размещена на сайте института: <http://www.inp.nsk.su/structure///ok/index.ru.shtml>.

Институт лазерной физики СО РАН объявляет конкурс на замещение вакантной должности научного сотрудника (кандидата наук) по специальности 01.04.21 «Лазерная физика». Срок конкурса — два месяца со дня опубликования объявления. Документы направлять по адресу: 630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 13/3. Справки по тел.: 330-89-21 (ученый секретарь), 330-93-32 (отдел кадров). Объявление о конкурсе и перечень необходимых документов размещены на сайте Президиума СО РАН (www.sbras.nsc.ru).

Учреждение Российской академии наук Институт оптики атмосферы им. В. Е. Зуева СО РАН объявляет конкурс на замещение должностей старшего научного сотрудника (1 шт. ед.) и младшего научного сотрудника (1 шт. ед.) по специальности 01.04.05 «Оптика» в соответствии с квалификационными требованиями. С победителем конкурса заключается срочный трудовой договор по соглашению сторон. Конкурс проводится 6 июля 2010 г. Документы на конкурс принимаются до 5 июля 2010 г. по адресу: 634021, г. Томск, пл. Ак. Зueva, 1, отдел кадров; тел.: (3822) 492-875. Объявление о конкурсе и перечень необходимых документов размещены на сайтах СО РАН и ИОА СО РАН (<http://www.ioa.ru>).

Задачи горного дела Севера — настоящие и будущие

Институт горного дела Севера им. Н.В. Черского СО РАН — ведущее академическое учреждение горного профиля на Северо-Востоке России. Он основан в мае 1980 г. на базе горного отдела Института физико-технических проблем Севера. На днях ИГДС будет праздновать тридцатилетие. Это возраст, когда научные цели определены, традиции заложены, коллектив устойчив. Об успехах и проблемах института сегодня говорим с его директором чл.-к. РАН М.Д. Новопашиным.

— Михаил Дмитриевич, чем выделяется ИГДС в ряду горных институтов страны?

— Отличие нашего института в том, что мы занимаемся систематическими исследованиями поведения геоматериалов в условиях естественно низких температур. Очевидно, что разработка твердых полезных ископаемых будет перемещаться на северо-восток России в районы вечной мерзлоты, а эти районы занимают более 60 % территории страны. Но даже если на Крайнем Севере мы создадим такую же, как в центральной части России, инфраструктуру, все равно только отдельные месторождения могут быть конкурентоспособными при существующих методах разработки. Для того, чтобы изменить сложившуюся ситуацию, нужно создать такие технологии, которые позволили бы снизить энергоемкость добычи и переработки минерального сырья, увеличить продолжительность добычного сезона, добиться того, чтобы перерабатывать меньше некондиционных руд и песков и, наконец, разработать эффективные способы глубокой переработки минерального сырья. Это и есть основное отличие нашего института.

— Что предлагает институт для решения проблем добывающей промышленности Якутии?

— Работы, которые мы ведем, нужны всему российскому Северу, а не только Якутии. Если взять, в частности, Якутию, то здесь на сегодня рентабельными к освоению являются около 30 % от разведанных запасов угля в южных районах республики и всего лишь 10 %

— в центральной. Такая же ситуация и с золотом, а разработка остальных видов полезных ископаемых ведется в очень небольших объемах. Ситуацию можно изменить, основываясь на понимании закономерностей изменения свойств геоматериалов и массивов горных пород в условиях криолитозоны, в том числе при техногенном воздействии. В ИГДС экспериментально установлены закономерности поведения геоматериалов при термомеханических воздействиях. В частности, установлено, что прочность карбонатных горных пород и кимберлитов в зоне фазовых переходов, там, где происходит замерзание воды, снижается на 50—70 %. Это значит, чтобы разрушить породу, нужно затратить наполовину меньше энергии, что в конечном счете является основой для разработки новых энергосберегающих технологий.

Не менее важно резко сократить объемы переработки пустых и некондиционных руд и песков. Полезные компоненты, как правило, в любом месторождении распределены неравномерно. А настоящая нормативная база такова, что горняки должны отработать всю оконтуренную площадь месторождения. При этом мало внимания уделяется эксплуатационной разведке, которая выявляет реальное пространственное распределение полезных компонентов по месторождению. Специалистами института сделана оценка огромного разнообразия горногеологических условий рудных месторождений. Введено понятие «горноэкономической кластеризации локаль-

ных участков рудных тел» и аргументируется важность реализации в недропользовании механизма дифференцированных эксплуатационных кондиций. Если использовать эти подходы, то можнократно снизить количество перерабатываемой пустой породы, некондиционных руд и, как следствие, затраты на разработку месторождения снизятся в разы.

— Очевидно, что исследования по горной тематике дают результаты, применимые в других отраслях. Можете привести примеры?

— Безусловно, фундаментальные закономерности поведения геоматериалов при воздействии естественно низких температур могут и должны быть использованы и в других отраслях народного хозяйства, в частности, в строительстве, как общегородском, так и при строительстве объектов спецназначения. Например, при выборе материалов для строительства дорог необходимо учитывать изменение их свойств, в противном случае дорожное полотно будет деформироваться и разрушаться. При создании подземных сооружений с отрицательным температурным режимом необходимо в расчеты закладывать свойства материалов при соответствующей температуре, а не при двадцати градусах, иначе могут возникнуть аварийные ситуации и т.д.

ператур, фазовый минералогический, химический состав и структуру материала. Однако необходимо ее дальнейшее развитие. Остановимся — очень быстро отстанем, поэтому вместе с только что созданным Северо-Восточным федеральным университетом принято решение организовать научно-образовательный центр «Геотехнологии Севера». На базе центра планируется проводить исследования в области механики, теплофизики, геофизики, геотехнологий, обогащения, рудничной аэрологии и проблем проектирования в условиях криолитозоны, а также обучение и переподготовку кадров. С нашей стороны мы предоставляем возможность использовать имеющееся оборудование, а университет планирует вложить в центр около 200 млн руб. Таким образом, появится возможность дальнейшего развития научно-экспериментальной базы. Этот центр задуман давно, и в нем заинтересован не только горный факультет университета, но и строительный, математический, физический. Я надеюсь, что будущий центр объединит и университет, и ряд институтов, работающих в Якутске.

— За счет чего пополняете бюджет?

— Долгое время с договорами было не плохо. В 1997 году мы планировали довести объем зарабатываемых средств до одного миллиона рублей в год на каждого научного

Не менее важной является задача переработки минерального сырья для получения продуктов с высокой добавленной стоимостью. Например, в институте установлено, что при воздействии токами высокой частоты на древесину, торф, бурые угли можно получить активированные угли, при этом в разы сокращается как время их получения, так и энергозатраты.

— По вашему мнению, какие направления работ в институте надо бы усилить?

— При создании института предполагалась его численность 500 человек. Это примерно 30-40 человек, работающих по каждому направлению. Сегодня, после всех реорганизаций в ИГДС трудится 118 человек, из них 42 — научные сотрудники. При этом положении мне представляется нецелесообразным расширять какие-либо направления исследований сверх того, что делаем. Есть опасность потерять последнее. Если бы удалось увеличить численность, то следовало бы усилить направления геомеханики и теплофизики, а также обратить внимание на технологические лаборатории.

— В ИГДС имеется парк современного оборудования. Как оно используется, как идет развитие экспериментальных работ?

— В институте создана достаточно современная экспериментальная база, позволяющая исследовать на мировом уровне механические свойства в широком диапазоне тем-

сотрудника, достигли показателя около 800 тыс. руб. Сейчас положение не так благоприятно, как хотелось бы. Случился кризис, рухнула горнодобывающая промышленность. Конечно, постепенно все восстановится. Есть еще проблема — сегодня предприятиям невыгодно вкладывать средства в науку: быстрой прибыли от этого нет, и налоговых льгот тоже нет, да и в развитие производства вкладывают не так уж много. Но уже сейчас понятно, что пройдет совсем немного времени, и ситуация начнет меняться. И я не сомневаюсь, что наука вообще, в том числе и разработки нашего института, будут востребованы.

В. Макарова, «НВС»

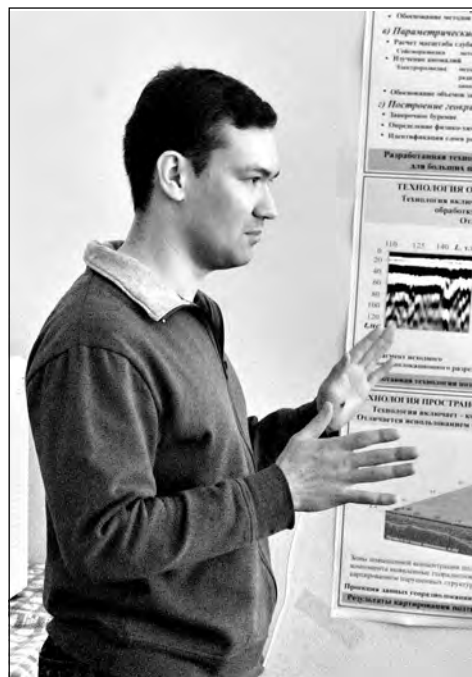
На фото В. Новикова:

— директор ИГДС СО РАН чл.-к. РАН М.Д. Новопашин (слева) и советник РАН, гл. научн. сотр. ИГД УРО РАН чл.-к. РАН В.Л. Яковлев — бывший директор ИГДС СО РАН (1986—1995 гг.);

— м.н.с. лаборатории георадиолокации К.О. Соколов представляет результаты исследований;

— лабораторные эксперименты по обогащению руд: вед. инж. А.М. Монастырев и научн. сотр. Н.Г. Еремеева (лаборатория обогащения полезных ископаемых);

— научная дискуссия в лаборатории георадиолокации: инж. М.П. Федоров, к.г.-м.н. Н.В. Максимова (УОНИ), чл.-к. РАН Б.Д. Аннин (ИГИЛ СО РАН), зав. лаб., д.т.н. А.В. Омеляненко, зам. директора по научной работе, к.т.н. В.П. Зубков, директор института чл.-к. РАН М.Д. Новопашин (слева направо).

БАХТА ПАМЯТИ

Победа!!!

Время летело с бешеной скоростью и лишь в какие-то исключительные моменты ползло как черепаха. Незаметно проскочил 1944, встретили 1945 год. Вот уже скоро кончается первый учебный курс. Мы уже настоящие студентки. Освоились друг с другом, с учебой, с работой, с самостоятельной, полуголодной, беспокойной жизнью.

И, вдруг, Победа! Победа!! Победаaaa!!! Такое короткое, такое могучее, такое замечательно емкое слово! По-бе-да!

Мы его услышали в шесть часов утра, как только заговорило не выключаемое на ночь радио. Заговорило торжественно-тревожным голосом Левитана: «Внимание! Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза! Через несколько минут будет передано экстренное сообщение!» и с интервалом: «От Советского Информбюро... Вчера, 8 мая 1945 года, в логове германского фашизма Берлине подписан Акт о капитуляции... Акт о безоговорочной капитуляции с советской стороны подписали маршал Г.К. Жуков, со стороны верховного командования Германии генерал Кейтель. Германский фашизм повержен! Справедливое дело, во имя которого вели борьбу советские люди, восторжествовало! С Победой, дорогие товарищи! В честь Победы в столице нашей родины городе Москва будет произведен праздничный победный салют 24-мя залпами из 324 орудий. Слава народу-победителю! Вечная память героям, павшим за свободу и независимость нашей социалистической Родины!» Вся страна, армия, на каждом заводе, в каждом маленьком хуторке, во всех городах и весях все от мала до велика, каждый, каждый из нас ждал этих слов. Ждали победы, верили в неё. И всё-таки она пришла неожиданно. Мы ликовали! Мы все, знакомые и незнакомые люди, бежали друг другу навстречу, чтобы поделиться этой радостной, этой необыкновенно счастливой вестью.

В раннюю рань люди спешили в свои коллективы, кто на работу, кто в госпиталь, кто в школу, институт, просто на улицу. Кругом возникали стихийные митинги. С утра до глубокой ночи улицы Свердловска были заполнены ликующим и плачущим народом. Одни утешали других в неутешном горе. И всё-таки волна ещё не до конца осознанного облегчения катилась по стране: война окончена, кровопролитная война, длившаяся сорок с лишним лет, четыре года семнадцать дней и ночей.

По дороге в техникум я забежала в госпиталь к своим дорогим авторам Победы, чтобы поздравить их. Там стоял непривыч-

ный гвалт. Через переносную радиостанцию транслировали многократно, громко, на весь этаж, утреннее сообщение «Совинформбюро». Сразу после завтрака в актовом зале начался митинг, куда прикатили лежащих, привели ходячих бойцов. Выступили начальник политотдела, начальник госпиталя, бойцы.

До обеда самой популярной личностью был начальник продовольственного склада и помогавшая ему разливать спирт сестра-хозяйка. С разрешения главного врача бойцы получили к обеду «свои боевые сто грамм».

В этот день я не дежурила, просто забегала в свою палату и закричала радостно:

— Дядя Толя! Дядя Степан! Ребята! Больше вы не будете воевать! Победа! Салют!

И вытаскала из кармана халатика новгородную трофейную хлопчатку с цветным конфетти — свидетельство моей «шикарной» городской жизни, подарок, который я приготовила для младшего братишки Стасика и долго берегла от искушения «выстрелить» досрочно.

— Салют! Са-алют! — крикнула я и дернула за шнурок. Раздался щелчок, и под потолок взлетел и рассыпался мелким дождем, цветными блестящими кружочками восторг! А потом, забыв про любую осторожность, я обнимала своих «стариков» и подставляла пылающие от волнения и соприкосновения с плохо выбритыми щеками бойцов свои пунцовые щеки для поцелуев. Вокруг царил сказочный восторг. Потом насильственным пальцем собирала с пола конфетти и щепотками несла к тем, до кого «радость» не долетела. Ах, какой это был замечательный день — 9 мая 1945 года! Люди перестали убивать друг друга!

Вечером на главной площади Свердловска был огромный митинг и всенародное гуляние. И разноцветный салют — апогей торжества! Туда мы пришагали своей колонной студентов и преподавателей техникума, неся флаги, бумажные цветы и транспаранты, за один из которых с меня в комитете ВЛКСМ позже «сняли стружку». Мы написали: «Пламенный привет победителям!» и сделали эмоциональную добавку — силуэт женских губ — вместо поцелуев.

— На красном знамени поцелуй! Позор! Отдерите сейчас же! — сказали молодые блюстители нравственности. Но мы так «пришпандорили» казеиновым клеем наши бумажные поцелуи, что отодерать их было невозможно.

На площади гремел духовой оркестр Уральского военного округа, играли гармошки, пели импровизированные разноголосые хоры. Качали военных. Кричали здравиты. Танцевали вальсы и яблочко, барыню и танго. Просто радовались и плакали. Плакали и радовались!

Пьяные от усталости и радости — война окончена! — добрались мы домой под утро. В голове и сердце был сумбур, коктейль из мощных, вырвавшихся наружу эмоций, настоянных на основных человеческих чувствах: любви к жизни и страхе перед смертью. Победа убавляла страх, дарила надежду на мирную жизнь.

Война осталась позади... 10 мая 1945 года с утра выглянуло солнышко, а потом небо заволокли тяжелые тучи, и пошел, пошел, пошел дождь. Холодный, крупный, обильный. Он смывал остатки снега во дворах, грязь и пыль на улицах города, бумажные цветы, обрывки плакатов и мусор с площадей.

...Так хотелось, чтобы завтра же отменили карточки, чтоб в изобилии появился на прилавках мягкий, ароматный, предвоенный хлеб: сайки, «венское» сдобное печенье, сливочное мороженое с вафельными кружочками, конфеты. Чтобы было изобилие продуктов и никаких очередей! Но это из области фантастики. Нам еще долго приходилось выстаивать длиннющие очереди за клёклым хлебом и получать пайки по карточкам, которые отменили только через год, в 1946-м, голодном году.

Изобилия и тогда не появилось. Зато за «бешеные деньги» можно было купить банку свиной американской тушенки и в плоских бутылках немецкий шнапс. Затем рынок расцвел немецкими аккордеонами, губными гармошками, женским прозрачным бельем невиданной красоты, бархатными коврами с оленями на полянах, с «красотками», возлежащими на берегах ядовито-зеленых озер... Это были трофеи из бюргерских вилл. Мы бежали на барахолку, как на экскурсии.

Война пришла быстро — в одночасье: сегодня объявили всеобщую мобилизацию, завтра вся страна встала в строй «под ружье». А уходила война медленно. Восторг постепенно спадал, угасал, заземлялся, затухал в трясине вязких, тяжелых, непролазных бытовых проблем и забот. Пока шла война, они были не столь заметны и остры. Все издержки оправдывались войной — «война всё спешет». Все материальные ресурсы страны, все физические и моральные силы народа были направлены на достижение Победы. Все идеологические органы: партия, комсомол, профсоюз и даже церковь, все средства массовой информации были направлены на уничтожающую критику агрессивного фашизма, пропаганду созидательной, перспективной роли социализма как системы.

Последствия... Как наводнение, отойдя, оставляет после себя остатки крушения, так война обнажила ужасную разруху, все негативные стороны жизни общества. В поездах и на улицах появилось огромное количество нищих: то были жертвы войны — инвалиды и мошенники, их имитировавшие, воришки и бездомные. На запад хлынула волна эвакуированных. Начались беспорядки: грабежи, насилия, убийства. Вечерами было страшно возвращаться домой: военные патрули, ловившие дезертиров и шпионов, ушли с ночных улиц. В очередях, среди плохо одетых, с изможденными лицами гражданских людей, появилось много военных, одетых в шинели, в добротные полушубки (зимой) и даже кожаные пальто с каракулевыми воротниками, а также расфуфыренные офицерские жены в трофейной одежде. Рядом с телогрейками, суконными и драповыми пальтишками их меховые манто были вызывающе хороши.

Больницы наполнились изможденными дистрофиками, язвенниками и нервными пациентами. Теперь их нельзя было не замечать. Даже в нашем госпитале планировалось открыть несколько палат для гражданского населения — членов семей сотрудников госпиталя. Улицы прекрасного, зеленого в предвоенные годы Свердловска были грязны, захлаплены. Дома, пропитанные техническими дымами войны, стояли мрачные, тяжелые.

Первым симптомом того, что «мы и это переживем», были юмор, ирония, умение посмеяться над собой. Это мог себе позволить только очень сильный духом народ.

Н.М. Малиновская

«Поклонимся подвигу...»

Как-то зашел в приемную заместителя председателя Президиума Красноярского научного центра СО РАН профессора Владимира Москвичева и... оторопел: у референта Надежды Соколовой слезы на глазах. Поинтересовался — не обидел ли кто. Нет, оказывается, она нашла место захоронения своего дедушки, погибшего в Великую Отечественную войну. И уже к празднику Победы — 9 мая — фамилия её деда, Горшкова Алексея Ивановича, будет добавлена в список погибших и выгравирована на плитах мемориала «Любино поле», у села Спасская Полисть (в годы войны это была Ленинградская область, теперь — Новгородская). Но лучше она сама обо всем расскажет.

— Надежда Сергеевна, почему тема Великой Отечественной войны вызвала у вас такой интерес?

— Война прошла и через нашу семью. Два моих деда погибли. Мой папа и его старший брат вернулись домой, хоть и израненными, но живыми. Папа — Куцев Сергей Александрович воевал под Москвой. Через Красную площадь на параде в честь 7 ноября их дивизия уходила сразу на фронт. Он прошел всю войну и встретил День Победы в госпитале.

Дедушку, Горшкова Алексея Ивановича, призвали осенью 1941-го, ему было 42 года. Вместе с родным братом их в составе 382-й стрелковой дивизии отправили под Ленинград 17 января 1942 года прямо из эшелона послали в бой. Чудово, Спасская Полисть, Мясной бор... Сейчас в Интернете много информации об этих боях.

В Красноярском крае было сформировано более 20 дивизий! Под Ленинградом в Мясном бору много наших частей оказались в окружении, в том числе 2-я Ударная армия. Поиск останков там идет до сих пор. К счастью, остались у нас еще люди неравнодушные. Вот оттуда в 1942-м году и пришла похоронка на маминго отца, моего дедушку — Горшкова Алексея Ивановича: «Убит 26 января 1942 года. Захоронен у села Спасская Полисть». А его брат, погибший в тех же местах через несколько месяцев, написал домой письмо: «Не дожидется Мария и дети Алешку, похоронили его после боя в братской могиле».

Детей осталось трое. И мама всю жизнь мечтала побывать там, где воевал и погиб её отец, на его могиле. Но где это конкретно, как добраться — никто не знал. И вот я узнала, что есть такой сайт «ОБД — мемориал» — на котором выложены документы ЦАМО — Центрального архива Министерства обороны. Набираешь фамилию, имя, отчество (в разных вариантах) — и ищешь! Оказывается, на сайте в разделе «Донесения о безвозвратных потерях» сейчас очень много информации. И к 9 мая еще многие документы в архивах сканируются и выкладываются на другие сайты. Я связалась с форумом на сайте «soldat1941-1945.narod.ru». Люди туда пишут почти каждый день, ищут родных, общаются между собой, дают очень полезные советы по поиску погибших и пропавших без вести в той страшной войне. Мне помогали и в военном комиссариате Чудовского района Новгородской области, и в администрации Трегубовского сельского поселения. И теперь заботами людей неравнодушных, с благоговением относящихся к великому подвигу наших солдат, мы знаем, где покоится прах нашего отца, деда и прадеда. Летом обязательно съездим на Любино поле, к мемориалу — мама, я и мой сын, поклонимся дедушке и всем, кто погиб за Отечество. И увезем на его могилу горсть Красноярской земли.

Записал Сергей Чурилов
Фото с сайта «soldat1941 — 1945.narod.ru»

Медали — ветеранам

В канун празднования Дня Победы ветераны Великой Отечественной войны, проживающие в Красноярском Академгородке, были награждены юбилейными медалями в честь 65-летия великой Победы. В числе других шестидесяти девяти человек — академик Кирилл Сергеевич Александров. В юном возрасте, десятилетним мальчишкой, он был эвакуирован из осажденного фашистами Ленинграда. Но вспоминать об этом большой ученый не любит...

Фото Сергея Чурилова

Наука в Сибири
УЧРЕДИТЕЛЬ — СО РАН
Редактор Ю. ПЛОТНИКОВ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ
«НС» В НОВОСИБИРСКЕ!
Любые номера газеты «НС» можно приобрести или получить по подписке в холле первого этажа УД СО РАН с 9.00 до 18.00 в рабочие дни (Академгородок, Морской проспект, 2)

Адрес редакции: Россия, 630090, Новосибирск, Морской проспект, 2.
Тел/факс: 330-81-58; тел: 330-09-03, 330-15-59.
Корпункты: Иркутск 51-35-26
Томск 49-22-76 Красноярск 90-79-39
Стоимость рекламы: 50 руб. за кв. см

Отпечатано в типографии
ОАО «Советская Сибирь»
г. Новосибирск, ул. Н. Данченко, 104.
Подписано к печати 05.05.2010 г.
Объем 3 п.л. Тираж 2000.
Редакция рукописи не рецензирует и не возвращает.

Рег. № 484 в Мининформпечати России
Подписной инд. 53012
в каталоге «Пресса России»
Подписка 2010, 1-е полугодие, том 1, стр. 147
E-mail: presse@sbras.nsc.ru
© «Наука в Сибири», 2010 г.